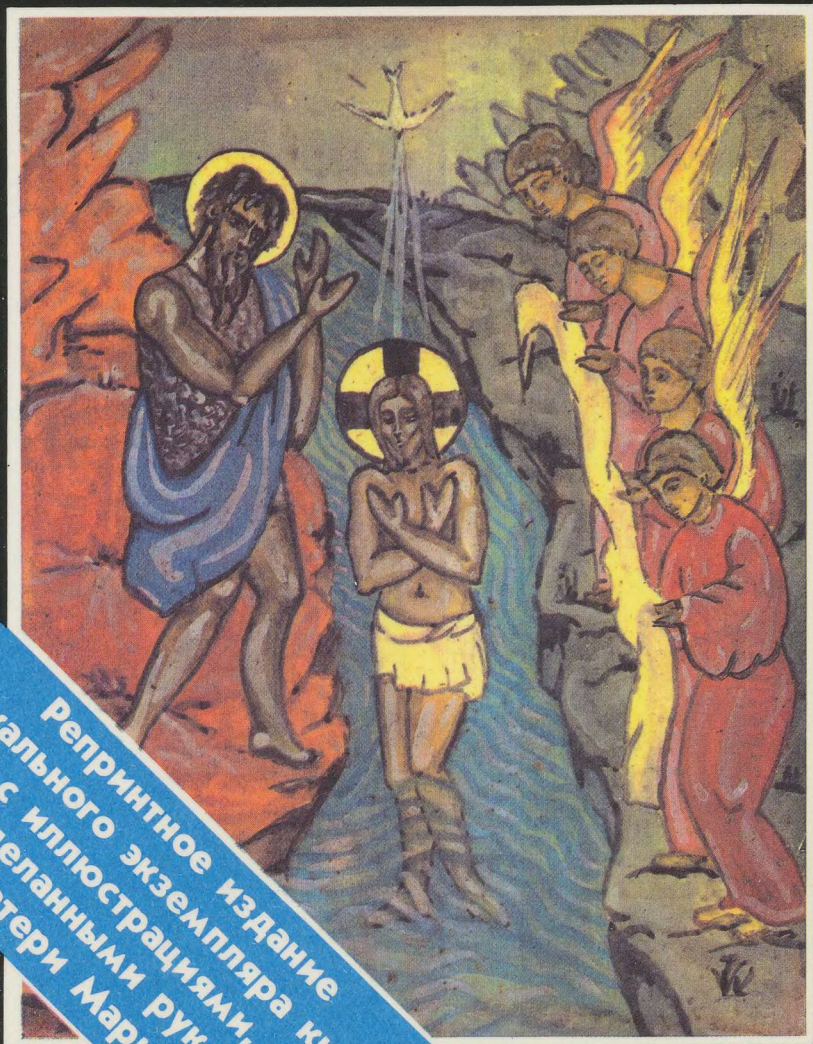

МОНАХИНЯ МАРІЯ

СТИХИ

Репринтное издание
уникального экземпляра книги
с иллюстрациями, сделанными
рукой матери Марии.

МОНАХИНЯ МАРІЯ

С Т И Х И

П Е Т Р О П О Л И С Ъ

НОВЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МАТЕРИ МАРИИ

Мать Мария — таково имя, под которым осталась в людской памяти эта необыкновенная женщина. Последнее и окончательное имя, перекрывшее те, какими она звалась прежде. В девичестве — Лиза Пиленко, замужней дамой — Елизавета Юрьевна Кузьмина — Караваева, потом, во втором браке, носила фамилию Скобцова. С принятием монашества явилась мать Мария.

За каждым именем — новый жизненный виток. Сколько ярких, прекрасных событий и сколько трагических!

Николай Бердяев писал: "Мать Мария, с которой меня связывали дружеские отношения, была одна из самых замечательных и разнообразно одаренных русских женщин нашей эпохи. И она очень характерна для эпохи, в которую ей пришлось жить, отражая самые значительные ее течения. Она была новой душой, по-новому взволнованной. Она соединяла в себе поэта, революционера и монахиню нового типа".

Она рано начала писать стихи. В дореволюционном Петербурге легко вошла в круг литературно-художественной элиты, стала автором двух стихотворных сборников. Это ее юность увековечил Александр Блок:

... "Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И Презираете свою красоту..."

Стихи Блока, полученные гимназисткой, — какое блистательное начало жизни! А ее конец — 31 марта 1945 года, концлагерь Равенсбрюк. Изнуренная дизентерией, голодом, простудой, мать Мария падает на проверку. Вместе с другими немощными женщинами ее отправляют в газовую камеру.

Между этими блоковскими словами: "Такая живая, такая красивая" и смертью мученицы пролегли годы деятельного подвижничества.

Презирающая свою красоту, говорящая "все о печальном", юная поэтесса провидела грядущие испытания. Ее стихи исполнены предчувствием великих страданий, тягот, потерь и страшного конца земной жизни.

Есть на этот счет и материнское свидетельство. София Пиленко писала о дочери: "Она с молодости была уверена, что ее ожидают мучения, мытарства, мучительная смерть и сожжение". С черным дымом лагерного крематория отлетела к небесам эта душа.

Матери Марии выпало пережить первую мировую войну, революцию, отъезд в эмиграцию, скитальчество, смерть младшей дочери, потом старшей. Она выстояла. Ее спасением стал неутомимый труд на ниве милосердия — деятельная и разнообразная помощь бедным, бездомным, гонимым, скатившимся на дно. Когда она приняла монашеский постриг — так появилась мать Мария — то не удалилась за стены монастыря, а продолжала служение обездоленным в миру. Во время войны и фашистской оккупации она активно участвовала во французском движении Сопротивления. Затем — арест сына, которому будет суждено погибнуть в Освенциме, и собственный арест, приведший в Равенсбрюк.

И на всем этом крестном пути, где не было ни отдыха, ни передышки, мать Мария продолжала оставаться поэтом, религиозным мыслителем, автором стихов, поэм, мистерий, статей. Как оказалось, она была еще и талантливым художником. Известны ее мастерски выполненные вышивки на религиозные темы. Сохранилась работа, сделанная летом 1944 года в Равенсбрюке. На ней в стиле старинных нормандских вышивок изображена высадка союзников в Нормандии. Но вышивками не исчерпывается ее художественный дар. Есть основания предполагать, что именно в те дни, когда мать Мария еще звалась Елизаветой Юрьевной и готовилась к пострижению в монахини, она писала гуашью картины религиозного содержания /некоторые воспроизведены здесь на обложках/.

Своего часа ждало еще одно открытие. Несколько лет назад архитектор Жорж Лещенко, живущий в пригороде Парижа, обнаружил удивительную книгу. Он разобрал архив своего крестного отца — писателя и журналиста Даниила Скобцова, бывшего вторым мужем матери Марии. В бумагах, оставшихся после него, господин Лещенко нашел уникальный экземпляр книги "Монахиня Мария". Она издана в Берлине в 1937 году издательством "Петрополис". Издана скромно, на плохой, видимо дешевой, бумаге. Но книга бесценна: почти на каждой ее странице — легкие, беглые рисунки, выполненные пером и тушью. Они сделаны на полях, порой забегают на текст. Мать Мария своей рукой проиллюстрировала этот экземпляр.

Пронизанные настроением стихов, рисунки дополняют их, усиливают их звучание. В них — все тот же мир страданий и одиночества, мир сырых, убогих, обездоленных, в который сошла мать Мария и которому она подвижнически служила.

Репринтное издание этого единственного в своем роде экземпляра с собственными рисунками матери Марии мы предлагаем вниманию читателей. Книга воспроизведена по фотокопиям, любезно предоставленным издательству господином Жоржем Лещенко.

О ЖИЗНИ.

Мнѣ кажется, что міръ еще въ лѣсахъ,
На камень камень, известь, доски, щебень.
Ты строишь домъ, Ты обращаешь прахъ
Въ единый міръ, гдѣ будутъ пѣть молебны.

Растутъ медлительные купола...
Неименуемый, нездѣшній. Нѣкто,
Ты намъ открыть лишь чрезъ Твои дѣла,
Открыть намъ, какъ великій Архитекторъ.

На нерадивыхъ Ты подѣмлешь бичъ,
Бросаешь ихъ изъ жизни въ сумракъ ночи.
Возьми меня, я только Твой кирпичъ,
Строй изъ меня, непостижимый Зодчій,

Камни на камни, скала на скалу.
Вздыбленныхъ скалъ сѣроватыя груди
Бывшій въ началѣ, приѣмли хвалу,
Самъ безначальный, предвѣчный, премудрый.

Вижу, — подъять указующій персть,
Чертитъ средь бездны чертежъ о живущемъ.
Хаось шевелится, хаось отверсть,
Хаось чревать всѣмъ твореньемъ грядущимъ.

Вѣчной завѣсой закрыть Ты теперь, —
Только нежданно средь молній и грома
Въ мiръ отверзаешь широкую дверь
Изъ Твоего недоступнаго дома.

Тварь среди хляби и медленныхъ тучъ
Въ нѣдрахъ печальныхъ укрывшись глубоко,
Видитъ на небѣ сіяющій лучъ,
Средь треугольника грозное Око.

Господь всѣхъ воинствъ, Элогимъ,
Всемощный и всевѣчный, Сущій, —
Лежитъ ничтожнымъ и нагимъ
Мой міръ предъ волей всемогущей.

Своихъ слѣпыхъ законовъ рядъ,
Какъ колесо въ вѣкахъ вращаетъ,
И отражаетъ Божій взглядъ,
Премудрость Божью воплощаетъ.

И вѣчной Божьей Славы Свѣтъ,
И воплощенье Сына-Слова,
И благодатный Параклетъ,
Глядятся въ прахъ лица земного.

И мы за гранью вещества,
Въ домостроительной работѣ,
Предвидимъ сроки торжества, —
Преображенье темной плоти.

Дома земные, — въ щепы въ пыль и въ щепень.
Расколъ въ семью и государства въ прахъ.
Волны Твоей серебропѣнный гребень
Несеть съ собой отчаянье и страхъ.

Средь хаоса, — отчизны вѣчной почва,
Средь хляби водной, — каменный оплотъ.
Среди пустынь, — касанье длани Отчей
И солнца незакатнаго восходъ.

Прошли вѣка или прошли мгновенья,
Иль въ будущемъ, тамъ, у Тебя въ раю
Я вмѣстѣ съ ангелами пѣснопѣнья
Предъ ликомъ пламенѣющимъ пою.

Тамъ было молоко и медъ,
И соки винные въ точилахъ.
А здѣсь, — паденье и полеть,
Снѣгъ на поляхъ и пламень въ жилахъ.

И мнѣ блаженный жребій данъ, —
Въ изодранномъ бреду нарядѣ.
О, Русь, о, нищій Ханаанъ,
Земли не уступлю ни пяди.

Я лягу въ прахъ, и объ земь лбомъ.
Вросту въ твою сухую глину.
И щепня горсть, и пыли комъ
Слились со мною въ плоть едину.

Мы не выбирали нашей колыбели,
Надъ постелью снѣжной пьяный вѣтеръ выль.
Очи матери такой тоской горѣли,
Первый часъ, — страданье, вздохъ нашъ крикомъ былъ.

Господи, когда же выбираютъ муку?
Выбрала бь быть можетъ озеро въ горахъ,
А не вьюгу, голодъ, смертную разлуку,
Вѣчный трудъ кровавый и кровавый страхъ.

Только Ты далъ муку, — мы ей не измѣнимъ,
Вѣрные на смерть терзающей мечтѣ,
Мы такое море нашей грудью вспѣнимъ,
Отдадимъ себя жестокой красотѣ.

Господи, Ты знаешь, — хорошо на плаху
Головой за вѣчную отчизну лечь.
Господи, я чую, какъ въ предсмертномъ страхе
Крылья шумныя расправлены у плечь.

Всѣхъ моихъ усталыхъ
На путяхъ свободы
Братьевъ береги. . .
Шлюзы на каналахъ,
Полновѣсны воды,
Отъ дождя круги.

Заблужусь средь улицъ,
Въ этажахъ нависшихъ,
Средь чужихъ людей.
Гдѣ же медь твой, улей?
Что подъ мшистой крышей?
Покажи скорѣй.

Съ колотушкой двери,
Пиво ледяное,
Аисты въ гнѣздѣ.
Пусть живутъ, какъ вѣрятъ,
Соннаго покоя
Не найдешь вездѣ.

О себѣ жъ, — гласта,
На чужое зряча,
Чуть взгляну, — мое.
Только слишкомъ часто
Слышу, — пѣсни пѣвца
Колоколь поэта.

I.

Какъ капли серебра, бой башенныхъ часовъ,
Имъ отвѣчаютъ всѣ задумчиво и нѣжно.
О, ангель трубный, у твоихъ святыхъ вѣсовъ
Уравновѣшены двѣ чаши безнадежно.

Зеленовато-сѣрь и мутно-вяль каналъ,
Прибрежные кусты отражены въ цвѣтеньи.
О, ангель вѣчности, еще ты не усталъ
Считать, считать, считать текучія мгновенья.

Смотри, — здѣсь даже камни сонно устаютъ,
Колокола, и тѣ не очень голосисты.
О, ангель гибели, ты покажи пріютъ
Средь вѣчности твоей для этой плоти чистой.

Преображенная усталостью своей,
Она за каплей числитъ капли золотыя, —
Вѣковъ далекихъ звонъ, и звонъ далекихъ дней
На чаши вѣчности Божественно-пустыя.

II.

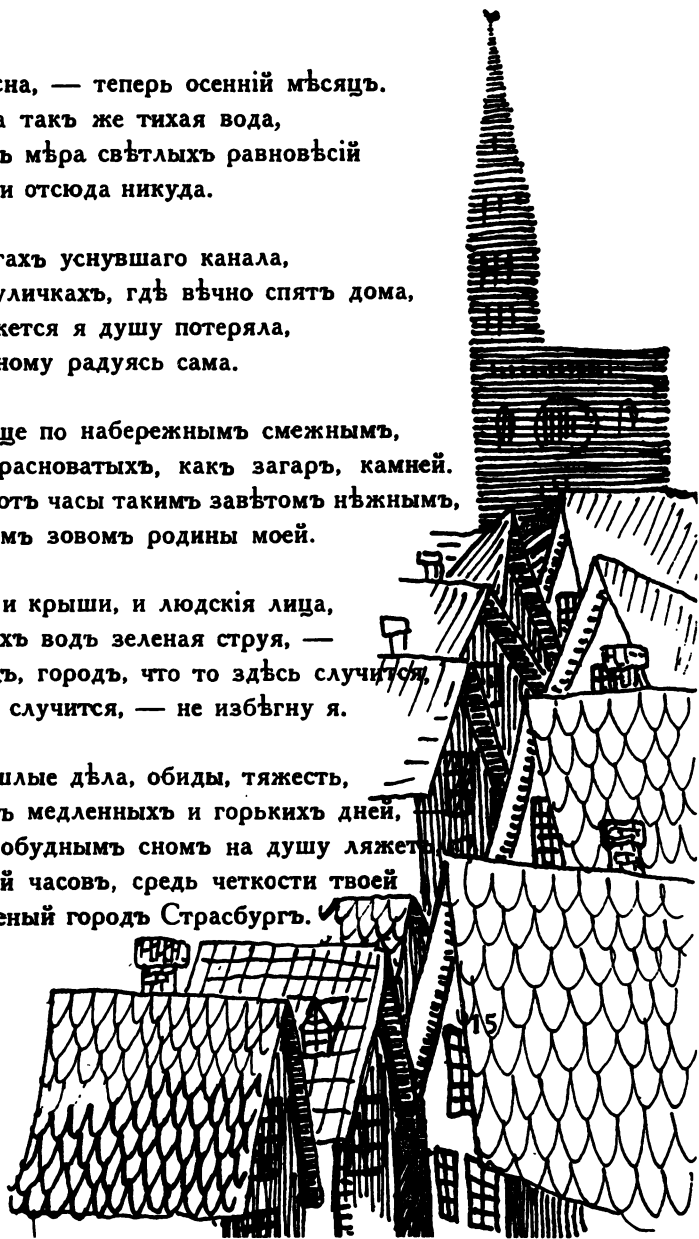
Была весна, — теперь осенний мѣсяць.
Спокойна такъ же тихая вода,
Такая жъ мѣра свѣтлыхъ равновѣсій
И не уйти отсюда никуда.

На берегахъ уснувшего канала,
Иль въ улличкахъ, гдѣ вѣчно спятъ дома,
Мнѣ кажется я душу потеряла,
Потерянному радуясь сама.

Пойти еще по набережнымъ смежнымъ,
Средь красноватыхъ, какъ загаръ, камней.
Вотъ быють часы такимъ завѣтомъ нѣжнымъ,
Небеснымъ зовомъ родины моей.

Соборъ, и крыши, и людскія лица,
И сонныхъ водъ зеленая струя, —
О, городъ, городъ, что то здѣсь случится,
Со мной случится, — не избѣгну я.

Всѣ прошлые дѣла, обиды, тяжесть,
Усталость медленныхъ и горькихъ дней,
Все непробуднымъ сномъ на душу ляжетъ.
Подъ бой часовъ, средь четкости твоей
Сѣрозеленый городъ Страсбургъ.

Слишкомъ свѣтлый воздухъ,
Вѣтеръ слишкомъ острый.
Это отдыхъ, отдыхъ, —
Сзади версты, версты.

Камни, церкви, люди, —
Льется свѣтлый воздухъ.
Знаю, — будетъ, будетъ
Тихогласный отдыхъ.

Въ тиxости звенящей
И въ небесной сини
Вотъ Онъ, всецѣлящій,
Боже, Отчій Сыне.

Развинтилъ винты, ослабилъ скрѣпы,
И виномъ насытилъ темноту.
Фонари въ туманномъ небѣ слѣпы,
Улицы открыли наготу.

Лица женскія одутловаты, —
Неприглядень и тоскливъ развратъ
Облака, какъ клочья грязной ваты,
Улицы, дороги въ черный адъ.

Негры бродятъ въ синихъ, грязныхъ,
Кто такъ сочеталъ порокъ и трудъ?
И неужто въ этихъ грѣшныхъ узахъ
Люди нищіе Твои умрутъ?

Все смотрю на эти перекрестки, —
Что ни перекрестокъ, — Божій крестъ.
Вѣтеръ кружится морской и хлесткъ
Средь заплеванныхъ, проклятыхъ.

Не хочу я никакихъ условій,
Безъ условій за Тобой пойду.
Все пронжу Иисусовой любовью,
Въ этомъ грустномъ и лихомъ аду.

У каждаго имя и отчество,
И сроки рожденья и смерти.
О каждомъ Господне пророчество:
Будьте внимательны, вѣрьте.

Любить ихъ нельзя въ отвлеченности,
Ничто въ нихъ ни тѣнь и ни малость.
И каждый въ своей обреченности
Ввергаетъ насъ въ терпкую жалость.

И жалостью сердце подточено.
Чѣмъ мучили Божее Слово?
Плевками ль, ударомъ, пощечиной?
Вѣнцомъ изъ колючекъ терновыхъ?

Иль чашей въ саду Гефсиманіи?
Нѣтъ, мучило братьевъ по плоти
Убогое въ мірѣ страданіе
Въ болезни, въ грѣхѣ и въ работѣ.

Посмотришь, — и силы украдены. . .
Предъ свѣтлымъ и благостнымъ раемъ
На крестной Твоей перекладинѣ
Мы съ ними себя распинаемъ.

И нищъ, и боленъ. Былъ запой.
Прошелъ. Болить руки обрубкокъ.
Еще осушить онъ, слѣпой,
Веселія иного кубокъ.

О, мель, спокойныхъ городовъ, —
Девятый валъ ушелъ къ другому.
Лишь не тревожить муть годовъ,
Души многострадальной омутъ.

А въ прошломъ, — голодь, смерть и кровь.
А въ прошломъ, — вихри, бѣды, война.
О, узнаю тебя, любовь,
И бремя жалости запойной.

Подъ ноги имъ душу я кину, —
Чужое страданіе жечь.
Водой запиваютъ мякину
И горекъ работы ихъ медь.

Сейчасъ умираетъ на койкѣ
Въ больничной палатѣ одинъ,
Другой пропиваетъ у стойки
Тяжелую память годинъ.

Тоска и безпутная тяжесть.
Работай, трудись и трудись.
Никто на землѣ не покажетъ
Дорогу широкую ввысь.

Бездумное племя, куда ты
Отъ фабрикъ, заводовъ, потомъ?
Чу, въ небѣ сшибаются латы, —
Тамъ крылья, и копыя, и громъ.

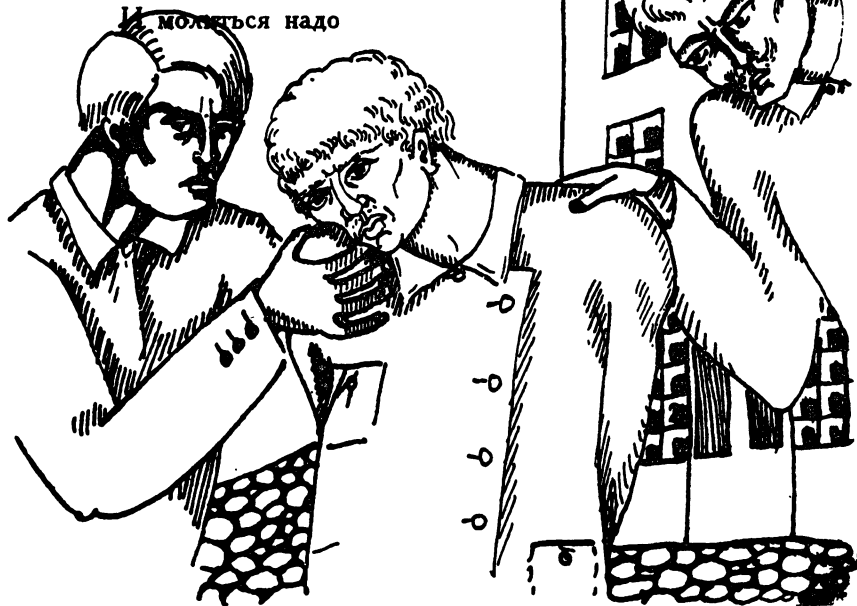
Не здѣсь, на землѣ, между нами, —
Нѣтъ, бой надъ бываньемъ возникъ.
Сверкаетъ огнемъ предъ полками
Сіяющій Архистратигъ.

Повели, какъ на цѣпи собаку,
И наручникъ на руку надѣли.
Иль ввязался въ пьяную онъ драку?
Иль схватили ночью на постели?

Онъ, — приземистый и низколобый.
Да не все ль равно какой? — Ихъ много.
Имя имъ, — развратъ, нужда и злоба,
Каторжная каждому дорога.

Здѣсь воронка къ самой преисподней,
Скатъ крутой до горестнаго ада...

Помнишь о любви Господней
И молиться надо

Людей колючія слова,
О, рвите, рвите душу въ клочья.
Ты, непокорствующая голова,
Ты слышишь, слышишь дни пророчать.

Когда я соберу весь медъ
Со всѣхъ пустынь, со всѣхъ колючекъ,
Тогда небесный звонъ плеснетъ,
Небесный свѣтъ разрѣжетъ тучи.

И сердце кровью изойдетъ
О каждомъ безпризорномъ Ванькѣ,
Пока не совершитъ полетъ
На землю мой Хранитель-Ангель.

Онъ исцѣлитъ занозъ уколъ,
Введетъ онъ души безпризорныхъ
Туда, гдѣ домъ, постель и столъ
Средь снѣжныхъ далей, далей горныхъ.

И тамъ, на небѣ, высоко,
Не помня о земномъ соблазнѣ,
Небеснымъ пьяны молокомъ,
Мы съ Ваньками устроимъ праздникъ.

Подвелъ ко мнѣ, сказалъ: усынови
Вотъ этихъ, — каждого въ его заботѣ.
Пусть будутъ жить они въ твоей крови, —
Кость отъ костей твоихъ и плоть отъ плоти.

Дарующій, смотри, я понесла
Ихъ нѣжную потерянность и гордость,
Ихъ язвинки и ранки безъ числа,
Упрямую ребяческую твердость.

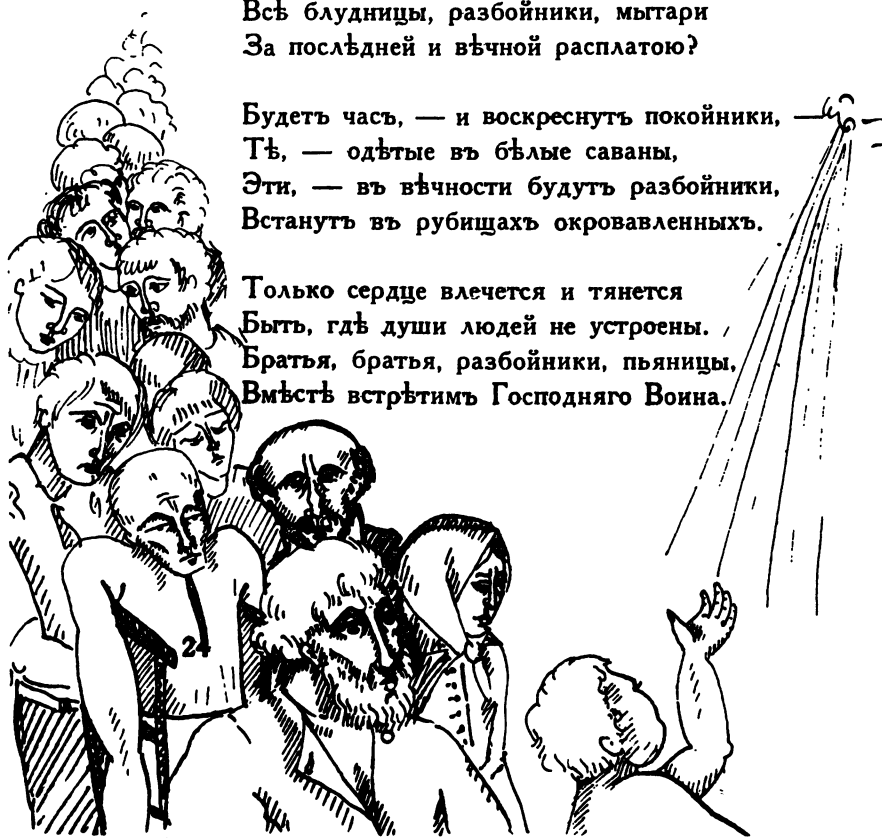
О, Господи, не дай еще блуждать
Имъ по путямъ, гдѣ смерть многообразна.
Ты далъ мнѣ право, — говорю, какъ мать,
И на себя пріемлю ихъ соблазны,

Братья, братья, разбойники, пьяницы,
Что же будетъ съ надеждою нашею?
Что же съ нашими душами станется
Предъ священной Господнею Чашею?

Какъ придемъ мы къ Нему неумытые?
Какъ приступимъ съ душой вороватою?
Съ раной гнойной и язвой открытою,
Всѣ блудницы, разбойники, мытари
За послѣдней и вѣчной расплатою?

Будеть часъ, — и воскреснутъ покойники,
Тѣ, — одѣтые въ бѣлые саваны,
Эти, — въ вѣчности будутъ разбойники,
Встанутъ въ рубищахъ окровавленныхъ.

Только сердце влечется и тянется
Быть, гдѣ души людей не устроены.
Братья, братья, разбойники, пьяницы,
Вмѣстѣ встрѣтимъ Господняго Воина.

Припасть къ окну въ чужую маесту
И полюбить ее, пронзиться ею.
Иную жизнь почувствовать своею,
Ея восторгъ, и боль, и суету.

О, стѣны милыя чужихъ жилищъ,
Разъ на всегда въ нихъ принятый порядокъ,
Цѣпь маленькихъ восторговъ и загадокъ, —
Предъ вашей полнотою духъ мой нищъ.

Прильнетъ онъ къ вамъ, благоговѣнно-нѣмъ,
Сростется съ вами. . . Вдругъ Господни длани
Меня швырнуть въ круги иныхъ скитаній. . .
За что? Зачѣмъ?

Что ему я за братьевъ отвѣчу,
Когда просто не вѣдаю какъ
Выносить очередную встрѣчу,
Разговоры про трудъ и кабакъ?

Будто кто-то каленой иглой
Выжегъ въ душахъ надежду до тла.
И въ надеждахъ, въ призывахъ что толку?
Толкъ отъ жирнаго только котла.

Поработалъ, — наѣшься и выпей.
А напьешься. — слегка посудачь.
Тихо плавай по жизненной зыби,
Вспоминай о быломъ и не плачь.

А въ быломъ все молочныя рѣки,
А въ быломъ все орѣхи да медь . .
Братья, братья мои, человѣки,
Вотъ надъ міромъ сіяющій Нѣкій
Нищимъ духомъ блаженство несетъ.

«И каждую косточку ломить,
И каждая мышца болить.
О, Боже, въ земномъ Твоемъ домѣ
Даже и камень горить.

Пронзила великая жалость
Мою истомленную плоть.
Всѣ мы, — ничтожность и малость
Предъ славой Твоею, Господь».

Мнѣ голосъ отвѣтилъ: «Грущобы, —
Людского безумья печать,
Великой любовью попробуй
До славы небесной поднять».

Какъ они живутъ спокойной жизнью,
Когда вѣтеръ облака мететь,
Когда каждую минуту можетъ брызнуть
Дождь неистовый потопныхъ водъ?

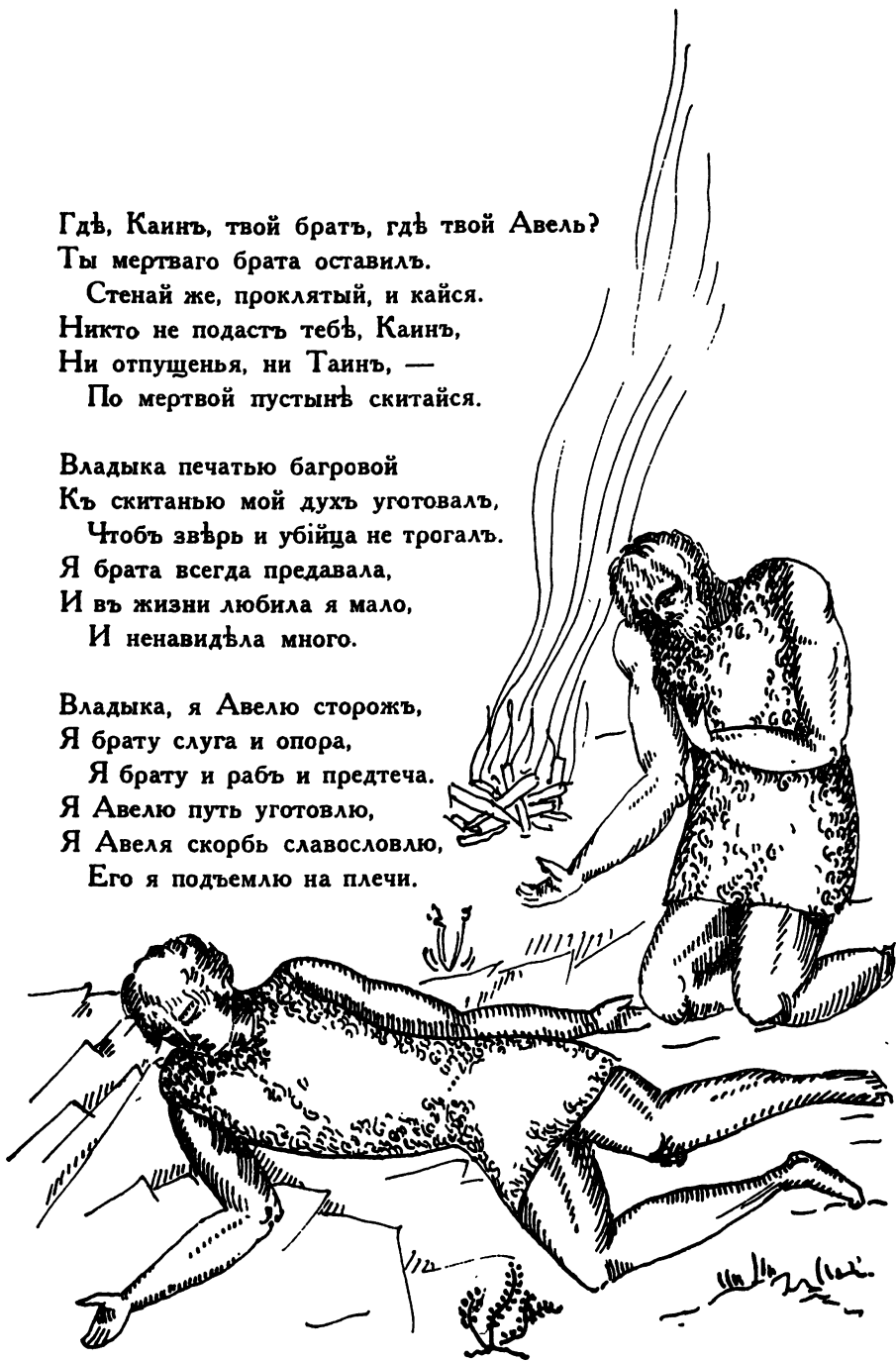
Дѣти съ куклой, женщины съ вязаньемъ,
Пчелы съ медомъ, — множество труда.
Какъ успѣть съ грѣхомъ и наказаньемъ,
Какъ успѣть до Страшнаго Суда?

Гдѣ, Каинъ, твой братъ, гдѣ твой Авель?
Ты мертваго брата оставилъ.

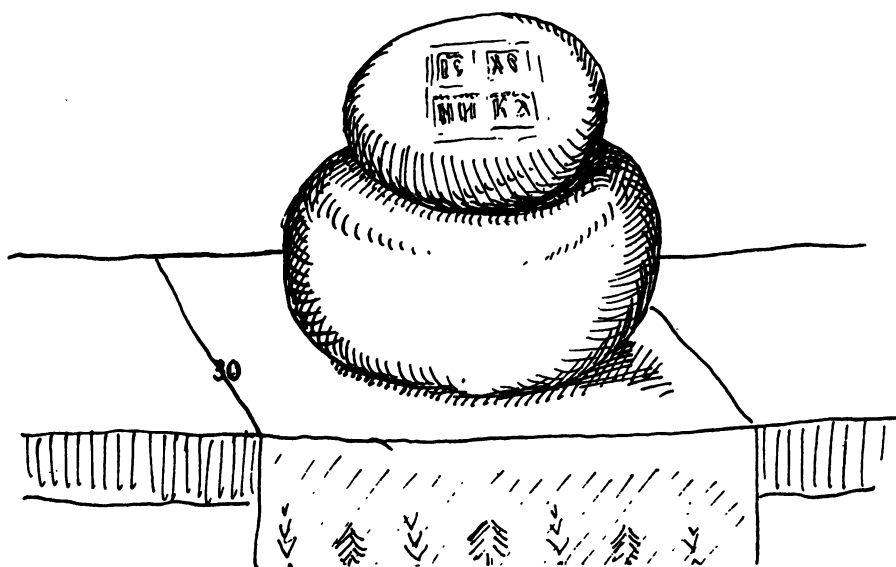
Стенай же, проклятый, и кайся.
Никто не подастъ тебѣ, Каинъ,
Ни отпущенья, ни Таинъ, —
По мертвой пустынѣ скитайся.

Владыка печатью багровой
Къ скитанью мой духъ уготоваль,
Чтобъ звѣрь и убійца не трогаль.
Я брата всегда предавала,
И въ жизни любила я мало,
И ненавидѣла много.

Владыка, я Авеля сторожъ,
Я брату слуга и опора,
Я брату и рабъ и предтеча.
Я Авеля путь уготовлю,
Я Авеля скорбь славословлю,
Его я подѣмлю на плечи.

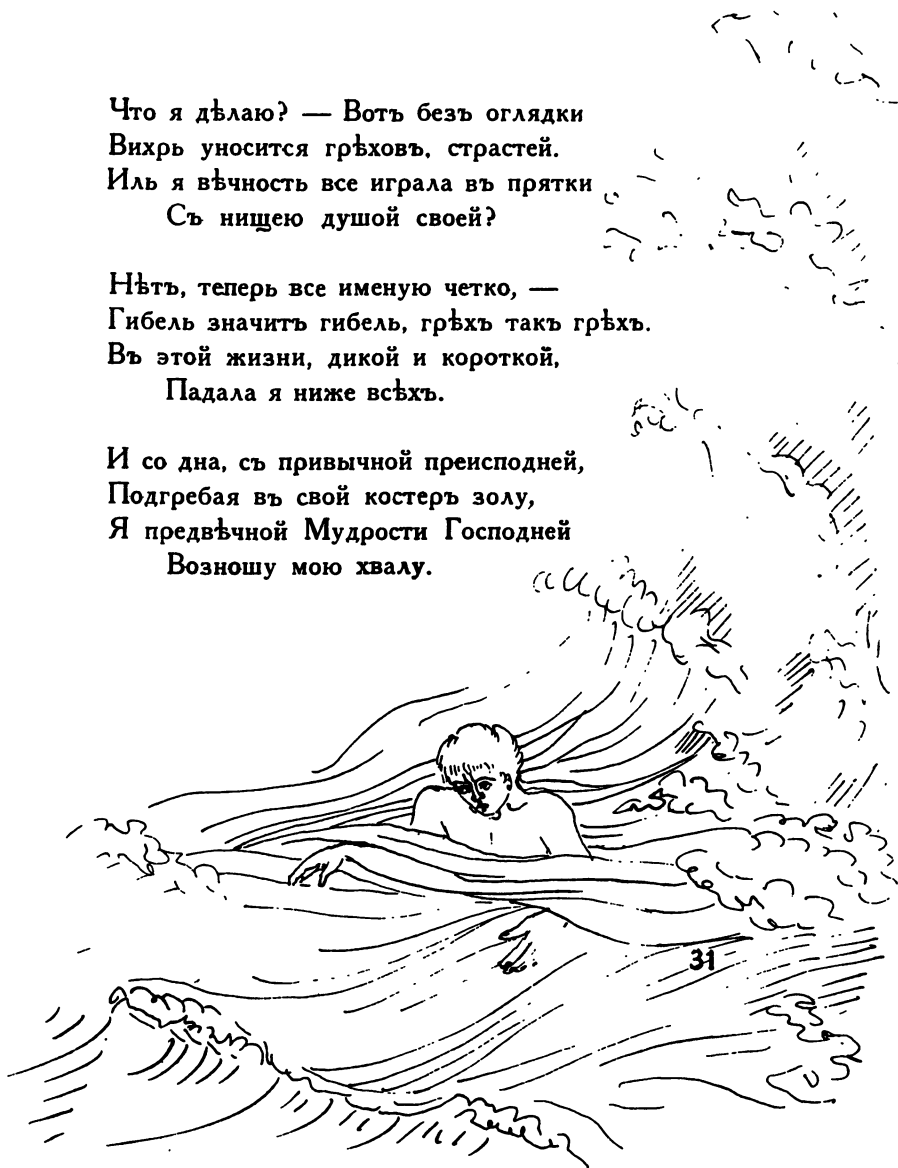
Что еще я въ пути соберу
На свою непутевую голову?
Грызть желѣзную просфору,
Пить горячее олово.

Что я дѣлаю? — Вотъ безъ оглядки
Вихрь уносится грѣховъ, страстей.
Иль я вѣчность все играла въ прятки
Съ нищею душой своей?

Нѣтъ, теперъ все именую четко, —
Гибель значить гибель, грѣхъ такъ грѣхъ.
Въ этой жизни, дикой и короткой,
Падала я ниже всѣхъ.

И со дна, съ привычной преисподней,
Подгребая въ свой костеръ золу,
Я предвѣчной Мудрости Господней
Возношу мою хвалу.

Не иные грѣхи проклинать,
Не стремиться къ иной добродѣтели, —
О моемъ троекратномъ, о пѣтелѣ,
Все о немъ буду я вспоминать,
 Чтобъ глаза выплакать.

Вотъ нагой въ ночь укрылся, исчезъ,
А другихъ сторожа не зазмѣтили.
О вскричавшемъ заутро, о пѣтелѣ,
Надо помнить средь мертвыхъ небесъ,
 Чтобъ глаза выплакать.

Крестъ на гору Учитель унесъ, —
Предстоятели тамъ, тамъ свидѣтели.
Объ алекторѣ помню, о пѣтелѣ,
Надо бездну соленую слезъ,
 Чтобъ глаза выплакать.

Трудный путь мы избирали вольно,
А теперь уж не возстать, не крикнуть.
Всё мы тщимся тѣснотой игольной
Въ Царствіе небесное проникнуть.

Не давалъ ли Ты безспорныхъ знаковъ?
И не звалъ ли всѣхъ насъ, Пастырь добрый?
Вотъ въ бореньи мы съ Тобой, какъ Яковъ,
И сокрушены Тобою ребра.

Тамъ, между Тигромъ и Ефратомъ,
Сказали: юности конецъ.
Братъ будетъ смертно биться съ братомъ
И сына проклянетъ отецъ.

Мы больше не вернемся къ рощамъ
У тихихъ водъ твоихъ возлечь,
Мы ждемъ дождя посявамъ тощимъ,
Въ золѣ мы будемъ хлѣбъ нашъ печь.

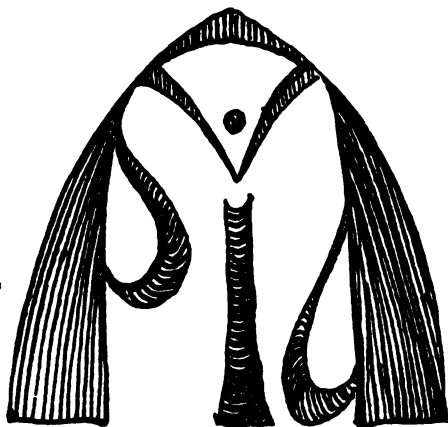
Тебѣ мучительно быть съ нами,
Безильный грѣхъ нашъ сторожить.
Создалъ насъ свѣтлыми руками, —
Мы жъ въ свѣтъ не умѣемъ жить.

Не засыпаетъ тяжелая кровь,
Вѣтеръ доносится острый и рѣзкій.
Древняя родина вспомнилась вновь.
Въ воздухѣ трубы, и вихри, и плески

Нѣтъ, не насытиться, только хлебнуть
Хаоса пьяную, мутную брагу.
Древней безсмыслицы темная жуть
Тянетъ и мчитъ къ роковому оврагу.

Только коснуться мнѣ, только припасть
Къ нѣдрамъ, поющимъ про вѣчную смѣну.
Кружатся вихри, вздымается страсть, —
Это дорога къ послѣдному плѣну.

Если же хочешь и можешь спасти,
Ты, одолѣвшая древняго змія,
Душу смятенную перекрести,
Тихой рукою, Марія.

Духъ смятенный, знаешь, какъ бываетъ, —
Вдругъ пробьетъ какой то вѣщій часъ, —
И Господняя рука терзаетъ,
Мучаетъ, палитъ, караетъ насъ.

Все пронзить и все наименоуетъ.
Господи, ужели пустота?
И какимъ мертвящимъ вѣтромъ дуетъ,
Душу вѣтромъ топить высота.

Будто въ произволѣ я проклятомъ,
Будто въ вихрѣ, в хаосѣ, во тьмѣ.
Закружилась, безотвѣтный атомъ,
Потеряла путь къ родной землѣ.

Господи, дай только искру свѣта,
А иначе ослѣпить насъ мракъ. . .
Вижу я, — огнистая комета
Чертить въ хаосѣ кровавый знакъ.

Не то, что міръ во злѣ лежитъ, не такъ, —
Но онъ лежитъ въ такой тоскѣ дремучей.
Все сумерки, — а не огонь и мракъ,
Все дождичекъ, — не грозовыя тучи.

За первородный грѣхъ Ты покаралъ
Не ранами, не гибелью, не мукой, —
Ты просто намъ всю правду показалъ
И все пронзилъ тоской и скукой.

Съ какой тоской иной печати рветъ
И съ отвращеніемъ читаетъ книгу.
Какъ камень сердце, духъ его, какъ ледъ,
И въ рабство жизнь дана страстному игу.

И кается иной. Потокѣмъ слезъ
Смываетъ онъ кровавыя страницы.
Онъ былъ раздавленъ тяжестью колесъ
Летающей мимо Божьей колесницы.

Иной себя по медленнымъ строкамъ,
За словомъ слово, будто жемчугъ нижетъ.
Онъ строитъ духъ, какъ нѣкій свѣтлый храмъ,
На вольный подвигъ тихо душу движетъ.

И я читаю книгу житія,
Слѣжу дороги на предгорьяхъ рая.
О, долгій путь. И какъ ничтожна я,
Какъ слушаюсь, себя не понимая.

Однимъ Ты далъ, какъ жизни знакъ, стрѣлу,
Другимъ даешь молитвы, постъ, вериги.
Однимъ даешь перо, другимъ, — пилу.
Какъ вычитать свое въ священной книгѣ?

Ужъ очень перепуталъ Ты узоръ
Заглавной буквы на моей страницѣ.
Въ немъ якоря треххвостаго упоръ
И крылья челоуѣковидной птицы.

Спокойно, будто опытный анатомъ,
Я разложу души моей составъ, —
Костякъ и сердце, кровь и каждый атомъ.

И подъ ланцетомъ душу распластавъ,
Измѣрю все, что силу убивало,
Измѣрю мѣру всѣхъ земныхъ отравъ.

О, кровь уже давно черна, не ала,
Давно не быстро, медленно течеть,
Какъ рѣки полноводныя, устала.

Два тяжкія крыла душа несетъ.
Мы эти крылья тоже распластаемъ
И вычислимъ возможный ихъ полетъ.

Костякъ тяжеловѣсенъ. Чертитъ краемъ
Крыло такое низко по землѣ,
И не равняется пернатымъ стаямъ.

Устало хлопаетъ въ туманной мглѣ
Надъ сизою водой, такой тягучей,
Багряной искрой въ стынувшей золѣ.

Но мышцъ сплетенья у крыла могучи, —
Души зажившейся тяжелый вѣсъ,
Все пронесутъ черезъ потокъ ревучій,

Къ тѣмъ берегамъ, гдѣ низокъ край небесъ.

Возникъ. Не отстаешь. И сердцу нудно.
У сердца новый многопудный вѣсъ.
 Что спрятался? Узнать не трудно, —
 Ко мнѣ приставленный ты бѣсъ.

Со мною рядомъ шлепаешь уныло.
Не прогоню. Не бойся. Помолчи.
 Я помню, — все иначе было,
 И я дала тебѣ ключи.

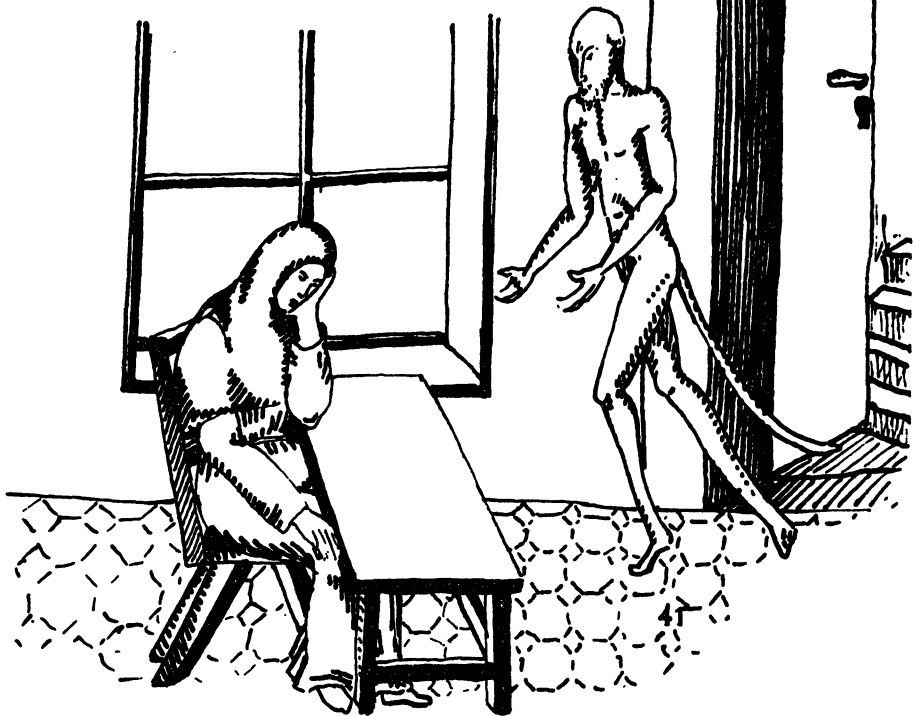
Не врагъ, и не противникъ, и не спорщикъ,
Который бы на слово десять словъ, —
 Ты комнаты моей уборщикъ, —
 Мети же соръ изъ всѣхъ угловъ.

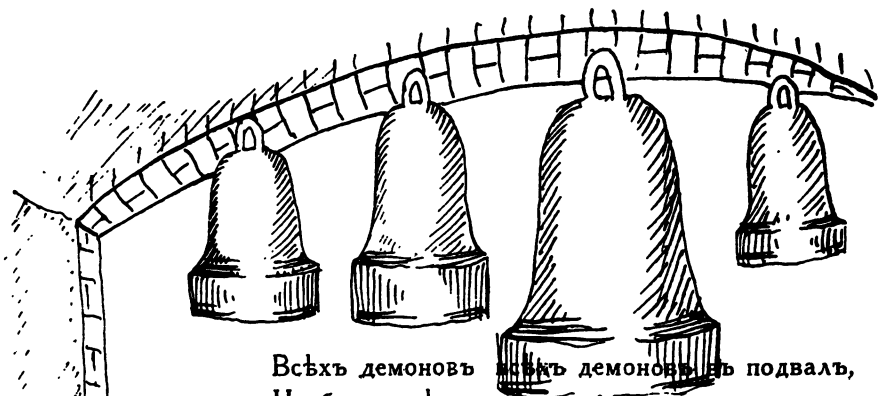
Подымешь пыль, напомнишь все бывшее,
Размечешь весь мой многотрудный соръ, —
 Ну что жъ? Мети. Не знай покоя.
 Ты только честный бѣсъ, не воръ.

И сердце медленно отяжелѣло...
Чего же, духъ, былъ ты недавно гордъ?
Чего же ты, душа, хотѣла?
Все вымель мой унылый чортъ.

Еще скользнулъ по смятому онъ платью
И вышелъ, двери за собой прикрывъ.
А ты гордился благодатью,
Ты вѣрилъ въ огненный порывъ.

Лягъ на постель безъ воли и безъ силы,
Сложивши пальцы въ крѣпкій крестный знакъ.
Одна немѣрная милость
Поможетъ просвѣтить твой мракъ.

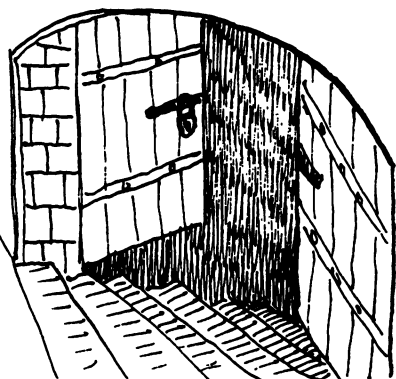

Всѣхъ демоновъ сквадь демоновъ въ подваль,
Чтобъ не мѣшали строить колокольную.
Вотъ колоколь отлитъ. Гудитъ металлъ.
О, колоколь, о, колоколь мой вольный.

И бѣсовъ всѣхъ сковать и подъ замокъ.
Молчите, тихо тише, бѣсенята.
Послѣдній день насталь, послѣдній срокъ,
Конецъ для вашей вольности проклятой.

И вихри кружатся, и тянеть гарь,
Оттуда тянеть, все изъ тьмы кромѣшной.
О, колоколь, мой колоколь, ударь,
Обрушь потопъ, на мѣръ излейся грѣшный.

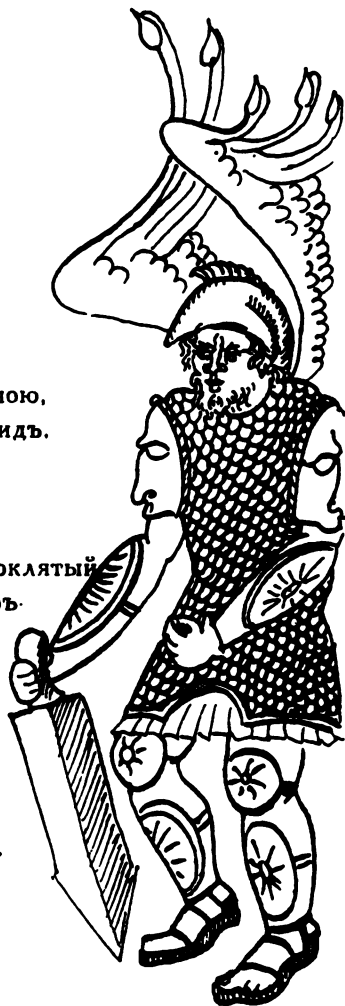
Нечего больше тебѣ притворяться,
За непонятное прятать свой ликъ.
Узнавшіе тайну уже не боятся, —
Пусть ты хитерь, и уменъ, и великъ.

И не обманешь слезинкой ребенка.
Не возстановишь на Бога меня.
Падаетъ съ глазъ навожденія пленка,
Все я увидѣла въ четкости дня.

Одинъ на одинъ я, съ тобой, съ сатанюю,
По Божью велѣнью, какъ отрокъ Давидъ.
Снимаю доспѣхи и грудь я открою.
Взметнула пращою, и камень летитъ.

Въ лобъ. И ты рухнулъ. Довольно, проклятый!
Глумился надъ воинствомъ ты, Голиафъ.
Божію силу, не царскія латы
Узналъ ты, на вѣки на землю упавъ.

Сильный Израилевъ, вижу врага я,
И Твоей воли спокойно ищу.
Вотъ выхожу безъ доспѣховъ, нагая,
Сжавши межъ пальцевъ тугую пращу.

Чудомъ Ты отверзъ слѣпой мой взоръ,
И за оболочкой смертной боли
Съ моей волей встрѣтились въ упоръ
Всѣ предназначанья черной воли.

И людскую немощь покаравъ,
Ты открылъ мнѣ тайну злого чуда.
Господи, всегда Ты святъ и правъ, —
Я ли буду предъ Тобой Іуда?

Но прошу, — нѣтъ — даже не прошу, —
Просто говорю Тебѣ, что нужно.
Благодать не даруй по грошу,
Не оставь предъ злобой безоружной.

Дай мнѣ много, — ангельскую мощь,
Обличительную рѣчь пророка.
Въ каждомъ дѣлѣ будь мнѣ жезлъ и вождь.
Солнце незакатное съ Востока.

Палицей Твоею быть хочу
И громоподобною трубою.
Засвѣти меня. Твою свѣчу,
Мечъ, покорный и готовый къ бою.

И о братьяхъ: развѣ ихъ вина,
Что они какъ поле битвы стали?
Выходи навстрѣчу, сатана,
Мечъ мой кованъ изъ Господней стали.

Убери меня съ твоей земли,
Съ этой пьяной, нищей и бездарной,
Боже силы, больше не дремли,
Бей и бей и бей въ набать пожарный.

Господи, зачѣмъ же насъ въ удѣлъ
Дьяволу оставить на расправу?
Въ тысячи людскихъ тщедушныхъ тѣлѣ
Влить необоримую отраву?

И не знаю, — кто ужъ виновать,
Кто невинно терпитъ немощъ плоти, —
Только міръ Твой богозданный, — адъ,
Въ язвахъ, въ пьянствѣ, въ нищетѣ, въ заботѣ.

Шаръ земной грѣхами раскаленъ,
Только гной и струпья, — плоть людская.
Не запомнишь списка всѣхъ именъ,
Всѣхъ, лишенныхъ радости и рая.

Отъ любви и горя говорю, —
Иль пошли мнѣ ангельскія рати,
Или двери сердца затворю,
Для отмѣренной такъ скупо благодати.

Никогда, ни на какомъ пути
Ты, ведущій, не даруешь встрѣчи.
Но дано мнѣ за Тобой идти
И иду. Согнуло время плечи.

Если многочасовыхъ молитвъ
Отъ меня Ты принимать не хочешь,
Брошу ихъ. А сердце вновь горить.
Нѣтъ Тебя. Ты снова въ дали Отчей.

Богомыслия тяжелый грудь
Тоже мнѣ Тебя не открываетъ,
А ступени эти всѣхъ ведутъ
Къ воротамъ сіяющаго рая.

Слава Отчая. Закрывъ глаза,
Чтобъ не видѣть, только чую — здѣсь Ты.
Люди. — этой славы образа, —
Подаютъ таинственныя вѣсти.

То Ты рядомъ то Ты впереди,
О, Неузнанный, Нездѣшній, Нѣкто,
Господи когда-нибудь приди,
До того, какъ закричить алекторъ

Господи, не видя, но любя,
За Тобой тянусь не вольной волей.
Въ часъ закатный я добыюсъ Тебя
Всѣмъ залогомъ пота и мозолей.

Ночью Ты въ борьбѣ меня сразишь
И Тобою скорушатся ребра.
Не пуцу, коль не благословишь,
Мой соратникъ добрый.

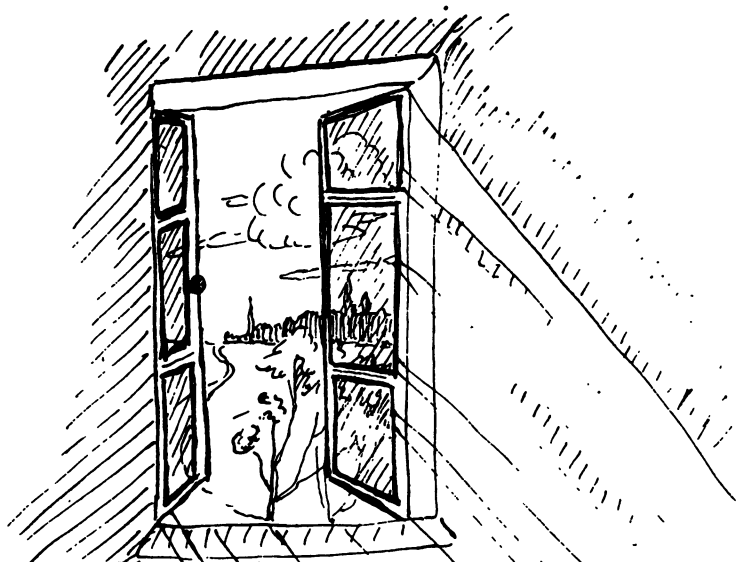
Ты остановилъ на берегу потока,
У Йордана, въ полночь, яростный, крылатый.
Бились мы съ Тобой до заревого срока,
И тѣла сплетались, и сшибались латы.

Долго никому побѣда не давалась.
Или были въ силѣ мы равны, какъ братья?
Вдругъ въ душѣ моей упорство оборвалось,
Грудь стѣснилась сразу въ каменныхъ объятыхъ.

Ты сломалъ ребро мнѣ. Падая средь праха
Я схватилъ Твой огневидный плащъ руками.
Отчего въ тотъ часъ Ты не внушилъ мнѣ страха,
Ты, владѣющій небесными полками?

Не могу пустить Тебя, Соратникъ-Боже,
Не принявъ отъ рукъ Твоихъ благословенья.
Тутъ Ты дланью лба дотронулся. На кожѣ
Вѣчность чую я Твое прикосновеніе.

Хромота моя теперь благословенна:
Это знакъ таинственный борьбы священной.

Наконецъ то. Дверь скорѣй на ключъ.
Какъ запущено хозяйство въ домѣ.
Въ пыльныхъ окнахъ еле бьется лучъ.
Мыши гдѣ то возятся въ соломѣ.

Вымету я соръ изъ всѣхъ угловъ.
До бѣла отмою столъ мочалой.
Соберу остатки думъ и словъ,
И сожгу, чтобъ пламя затрещало.

Будеть домъ, а не какой то склепъ,
Будеть кровъ, — не душная берлога.
На тарелкѣ я нарѣжу хлѣбъ,
Въ чашѣ растворю вина немного.

Сяду, лобъ руками подперѣвъ,
(Вотъ заря за окнами погасла).
Помню повѣсть про немудрыхъ дѣвъ,
Какъ не стало въ нихъ лампадахъ масла.

Мутный день, потомъ закатъ, закатъ,
Ночь потомъ, — и тишина бормочеть.
Холодомъ разсвѣтнымъ воздухъ сжать,
Тѣло сну противиться не хочеть.

Только бѣ не сковаль мнѣ волю сонъ.
Пахнетъ полъ прохладной тишиною.
Еле видны рамы у оконъ,
Все налито гулкой чернотой.

Духъ, боренье въ этотъ часъ усили.
Тише. Стукъ. Кричить предъ утромъ пѣтель.
Масломъ сытъ въ лампадѣ мой фитиль.
Гость вошелъ. За нимъ широкій вѣтеръ.

Сопряжены во мнѣ два духа, —
Одинъ спокойно счетъ ведетъ:
Сегодня воля, завтра гнетъ,
Сегодня горечь, завтра медь,
Всему есть мѣра, есть и счетъ...
И стучають костяшки глухо...

Другой, — несчетный и бродяга,
Слѣпыхъ и нищихъ поводырь.
Ну что жъ? Пустырь, такъ чрезъ пустырь,
Сегдня въ даль, а завтра въ ширь,
А послѣ завтра въ небо тяга.

Пророчить онъ о градѣ, трусѣ,
О волнахъ огненной рѣки, —
И даль его мнѣ въ вожжаки
Ты, Господи Исусе.

Когда-нибудь, я знаю, запою
О неподвижности, о мѣрной мѣрѣ.
Вѣдь не поспѣшны ангелы въ раю
И мудрые не суетятся звѣри.

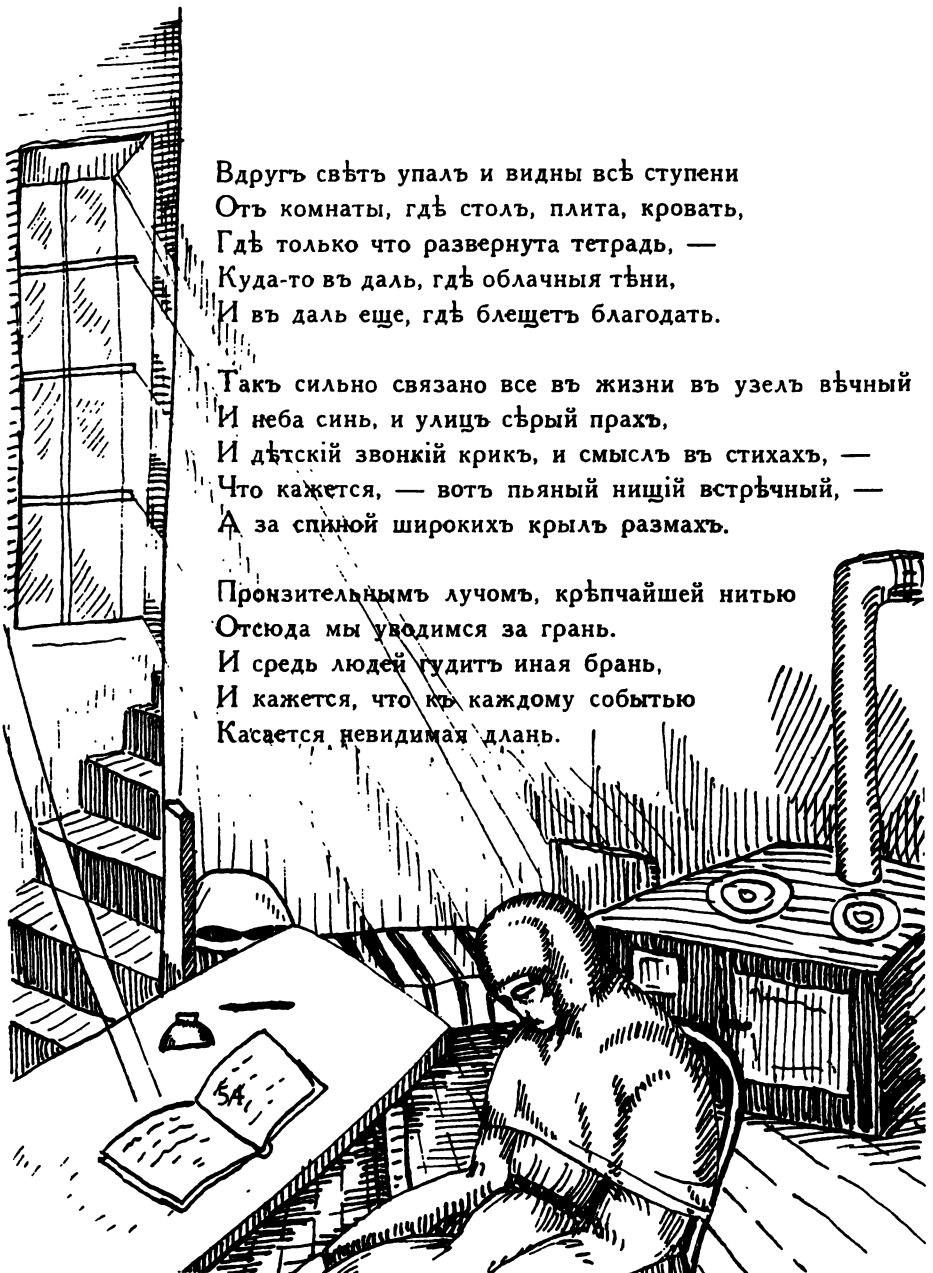
И только тотъ, кто созданъ въ день шестой,
Кто мость межъ жизнью тварной и Господней,
Все мечется въ своей тоскѣ пустой,
Свободнѣй духовъ и звѣрей безроднѣй.

На вѣкъ покинувъ эту плоть мою,
Такую же, въ какой томятся звѣри,
Въ Твоемъ прохладномъ, голубомъ раю
Когда-нибудь, я знаю, запою
О неподвижности, о мѣрной мѣрѣ.

Ты не измѣнишь... Быть одной...
О, нѣтъ, дѣлать труды, заботы,
Мечтанья о землѣ родной,
Плоды отъ будничной работы, —

Веселье, грусть, тепло и хлѣбь...
Да, все дѣлать... Но только все ли?
А вотъ когда ужъ нѣту скрѣпъ
И духъ бушуетъ въ вольной волѣ,

И въ мукѣ и въ восторгѣ онъ
Вопить безумно: аллилуя,
Отъ всѣхъ запретовъ разрѣшень...
Дѣлать вотъ это не могу я ..

Вдруг свѣтъ упалъ и видны всѣ ступени
Отъ комнаты, гдѣ столъ, плита, кровать,
Гдѣ только что развернута тетрадь, —
Куда-то въ даль, гдѣ облачныя тѣни,
И въ даль еще, гдѣ блещетъ благодать.

Такъ сильно связано все въ жизни въ узелъ вѣчный
И неба синь, и улицъ сѣрый прахъ,
И дѣтскій звонкій крикъ, и смыслъ въ стихахъ, —
Что кажется, — вотъ пьяный нищій встрѣчный, —
А за спиной широкихъ крылъ размахъ.

Пронзительнымъ лучомъ, крѣпчайшей нитью
Отсюда мы уведимся за грань.
И средь людей гудитъ иная брань,
И кажется, что къ каждому событию
Касается невидимая длань.

Жить въ клопиной, нищенской каморкѣ.
Что-то день грядущій принесеть?
Нѣтъ, люблю я этотъ тихій гнетъ,
О, Христось, Твой грустный міръ прогорклый.

Выцвѣтшія грязныя обои,
Лампы свѣтъ однообразно тусклъ.
Міръ Твой горькій, горькій, Исусъ,
Узнаю я въ трудовомъ покоѣ.

Не внезапно, не въ иные сроки,
А все время, съ горемъ пополамъ.
По моимъ по сумрачнымъ угламъ
Виденъ мнѣ просторъ иной, широкій.

Нищенство и пыль, и мелочь, мелочь.
И забота, такъ что нѣту силъ. . .
Но не Ты ль мнѣ руку укрѣпилъ?
Отвратилъ губительныя стрѣлы?

Все смѣшалось, — радость и страданье,
Тѣснота и ширь, и верхъ и дно,
И надъ всѣмъ звенить, звенить одно
Ликованье.

Холодомъ по комнатамъ сквознякъ,
Ходитъ вѣтеръ, ключникъ быстроногій,
Хлопнулъ дверью, взвился на порогѣ, —
Вѣтеръ странникъ и мірской бѣднякъ.

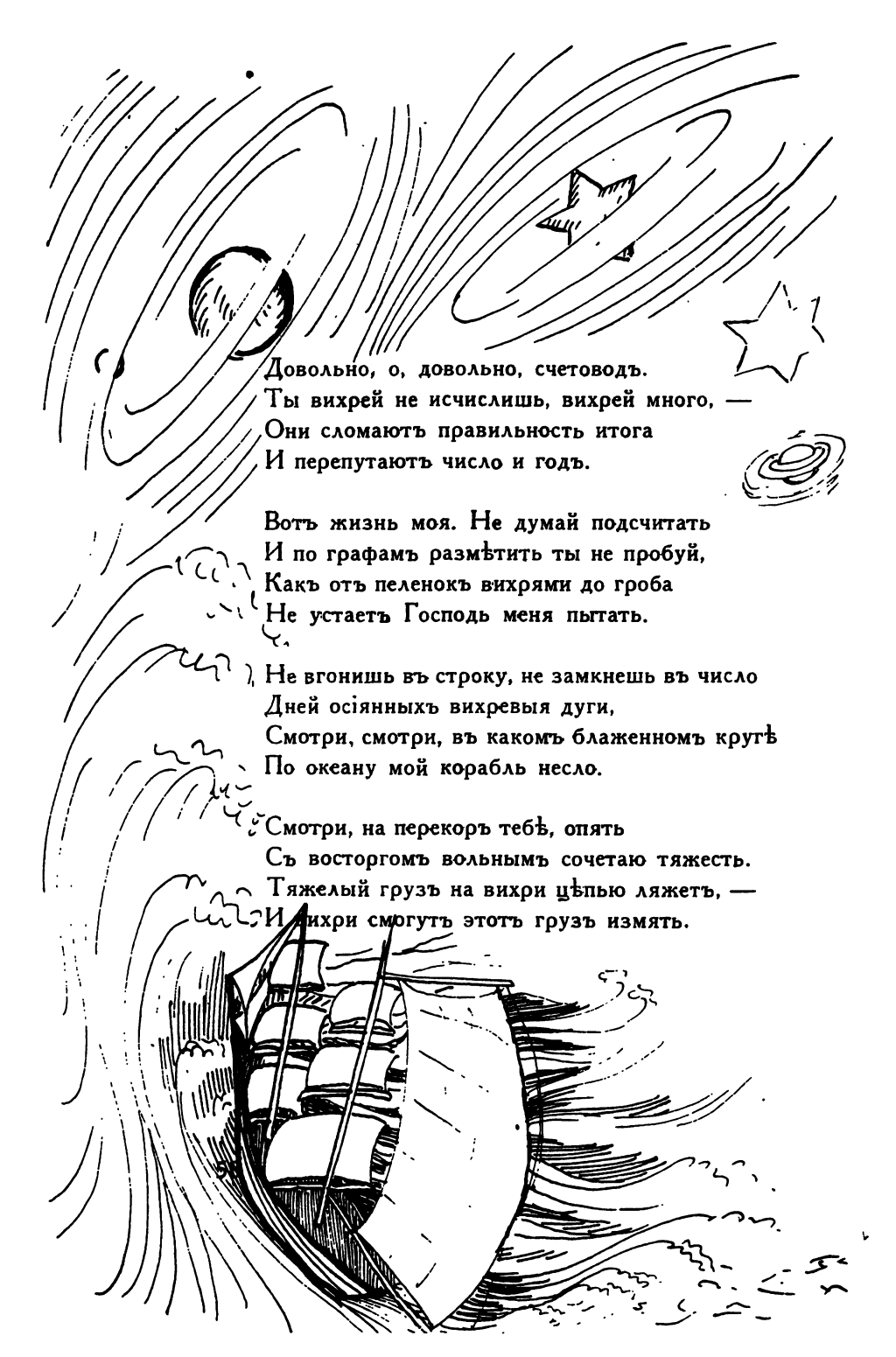
Хорошо жить въ мірѣ на юру,
Съ вѣтромъ о Господней правдѣ спорить,
Хорошо мнѣ человѣчье горе
Позабыть въ осеннюю пору.

Не бояться никакихъ окраинъ,
Съ легкимъ небомъ дымнойнейшимъ слиться,
Вмѣстѣ съ міромъ Божьимъ причаститься
Всечестныхъ и страшныхъ Таинъ.

Не помню я часа Завѣта,
Не знаю Божественной Торы.
Но даль Ты мнѣ зиму и лѣто,
И небо, и рѣки, и горы.

Не научилъ Ты молиться
По правиламъ и по законамъ, —
Поеть мое сердце, какъ птица,
Нерукотворнымъ иконамъ.

Росѣ, и зарѣ, и дорогѣ.
Камнямъ, человѣку и звѣрю.
Прими, Справедливый и Строгий
Одно мое слово: я вѣрю.

Довольно, о, довольно, счетоводъ.
Ты вихрей не исчислишь, вихрей много, —
Они сломають правильность итога
И перепутають число и годъ.

Вотъ жизнь моя. Не думай подсчитать
И по графамъ размѣтить ты не пробуй,
Какъ отъ пеленокъ вихрями до гроба
Не устаетъ Господь меня пытать.

Не вгонишь въ строку, не замкнешь въ число
Дней осіянныхъ вихревыя дуги,
Смотри, смотри, въ какомъ блаженномъ кругѣ
По океану мой корабль несло.

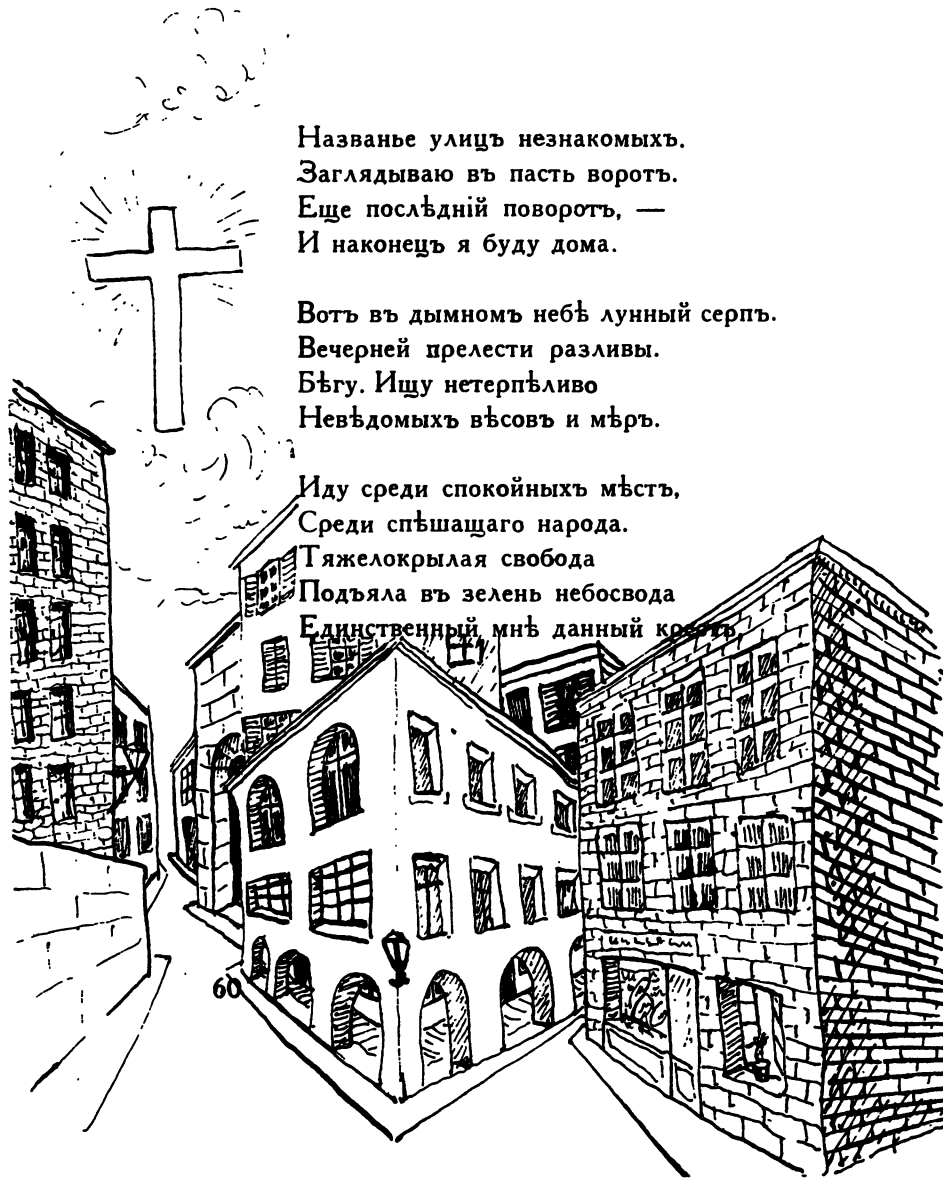
Смотри, на перекоръ тебѣ, опять
Съ восторгомъ вольнымъ сочетаю тяжесть.
Тяжелый грузъ на вихри цѣпью ляжетъ, —
И вихри смогутъ этотъ грузъ измять.

Испепеляющій огонь
Приходить отъ далекой воли.
А здѣсь взглядишь въ мою ладонь,
Въ корявыя мои мозоли.

Благословенъ спокойный трудъ
Среди полей мірскихъ и весей.
Блаженно люди спину гнутъ
Подъ легкимъ сводомъ поднебесій.

Я знаю, что Христось трудомъ
Навѣки освятилъ рубанокъ.
И мы трудомъ какъ часть войдемъ
Домостроительнаго плана.

Коси косою, пили, стучи, —
Изъ хаоса мы храмъ построимъ.
И въ этотъ храмъ одни ключи, —
Изнеможенье трудовое.

Название улицъ знакомыхъ.
Заглядываю въ пасть воротъ.
Еще послѣдній поворотъ, —
И наконецъ я буду дома.

Вотъ въ дымномъ небѣ лунный серпъ.
Вечерней прелести разливы.
Бѣгу. Ищу нетерпѣливо
Невѣдомыхъ вѣсовъ и мѣръ.

Иду среди спокойныхъ мѣстъ,
Среди спѣшащаго народа.
Тяжелокрылая свобода
Подъяла въ зелень небосвода
Единственный мнѣ данный косякъ

Какіе праздничные дни
Чѣмъ, дальше въ жизнь, тѣмъ чаще, чаще.
Мнѣ, кажется, трава сродни
И старый дубъ мой милый пращуръ.

Когда нибудь Тебѣ на судъ
Я съ грустью принесу любовной
Полей родимыхъ изумрудъ
И прахъ земли единокровной.

Единая насъ носить мать,
Единая растить утроба.
И какъ Ты можешь покарать
Свое подобіе и образъ?

Мы выйдемъ изъ могилъ и норъ —
Звѣрь, камень, человѣкъ, растение, —
И предрѣшить Твой приговоръ
Всеобщее возстановленье.

Лѣто 30.

Съ народомъ моимъ предстану,
А Ты воздвигнешь вѣсы,
Измѣришь каждую рану
И спросишь про всѣ часы.

Ничто, ничто мы не скроемъ, —
Читай же въ нашихъ сердцахъ, —
Мы жили, не зная покоя,
Какъ вѣтромъ носимый прахъ.

Мы много и трудно грѣшили,
Мы были на самомъ днѣ,
Мечтали средь грязи и пыли
О самомъ тяжеломъ зернѣ.

И вотъ онъ, колосъ нашъ спѣлый.
Не горекъ ли хлѣбъ изъ него?
Что примешь изъ нашего дѣла
Для Царствія Твоего?

Отъ горькаго хлѣба жажда.
Вотъ эту жажду прими,
Чтобъ въ жаждѣ помнилъ каждый
О мукахъ милой земли.

Глуше, и туже, и крѣпче
Свиваютъ проклятые смерчи,
Сметають насъ въ логово смерти.
Вы, погребальныя свѣчи,
И отпѣвающій вѣтеръ,
Ты, синеокая вѣчность.
Чтожъ не пугаются бѣсы
Жертвы торжественной крестной?
Или она не воскреснетъ?
Вихри, и смерчи, и вѣсти
О мертвой Христовой невѣстѣ,
Объ отнятой части и чести.
Туго подвязана челюсть,
На каждомъ глазу пятакъ,
Были, — соблазны, прелесть...
Есть, — мракъ...

Дверь за спиною распахнулась.
Куда? — Изъ пропасти сквознякъ.
И сталь невидимаго дула,
Невъдомая западня.

Обнажены глухіе корни,
Послѣдній ужасъ бытія.
А ты все тише, все покорнѣй,
Смирennemудрая моя.

И не запомнятъ старожилы,
Чтобъ на землѣ бывало такъ.
Смотри, — вотъ кости, кровь и жилы,
Смотри, — въ глазахъ предсмертный мракъ.

А тамъ на днѣ стучать костяшки.
Подсчитываетъ счетоводъ
Твой бредъ безумный, вздохъ твой тяжкій,
И каплями кровавый потъ.

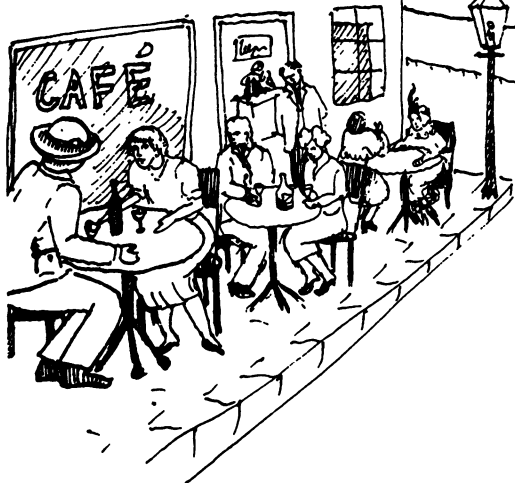
Лето 30.

Кирпичный домъ и небосводъ блесныи
Среди кофеенъ пыльный карнавалъ,
Шумячь автомобильныя колеса
И пляшетъ тотъ, кто въ будняхъ не усталъ.

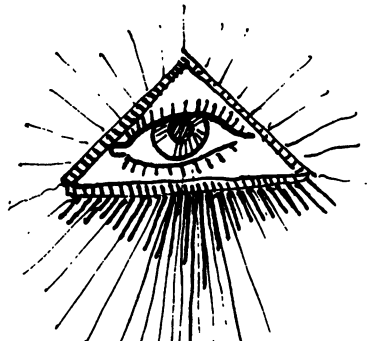
О, этотъ истуканъ молвы стоустой, —
Одѣлись въ чистое, пьютъ на углахъ.
И ясно вдругъ, что въ мирѣ стало пусто,
Одинъ кирпичъ да камень, пыль да прахъ.

Въ глухой дали прямолинейныхъ улицъ,
Тамъ, гдѣ смолкаетъ пыльный карнавалъ,
Я вдругъ почувствую: разстрѣла пули
И въ небеса безцвѣтныя провалъ.

Въ душѣ моей предвидѣнье заняло:
И пыль, и карнавалъ, — все будетъ такъ.
А можетъ быть давно все это было,
И нѣтъ уже, — и всеобъденъ мракъ.

О СМЕРТИ.

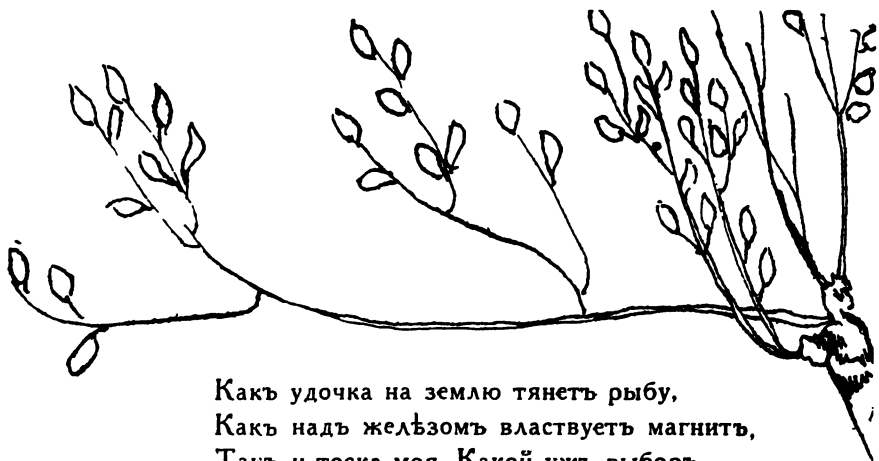
Да, надо будетъ, въ гробовой колодѣ
Всего совлечься, — о, не только чувствъ,
Но даже мыслей, выросшихъ въ свободѣ,
Чтобъ духъ былъ трезвъ, серьезень, нагъ и пусть

И души съ погребальными свѣчами
Вокругъ обстануть. Я же все одна.
И вотъ тогда пронзитъ Господь лучами
Всѣ помыслы и душу всю до дна.

Любимыхъ нѣту, и душа убога,
И бьется сердце на рукахъ Судьи.
И смотритъ Онъ на всѣ движенья строго
Грѣхами перегруженной бади.

Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ въ вѣкахъ настанетъ
Послѣдній срокъ, послѣдній Божій судъ, —
И ангель трубный въ небеса воспрянетъ,
И чаши гнѣва въ бездну упадутъ.

Какъ удочка на землю тянеть рыбу,
Какъ надъ желѣзомъ властвуетъ магнитъ,
Такъ и тоска моя. Какой ужъ выборъ,
Когда она всю душу опалить.

И вижу я за тонкимъ покрываломъ
Земныхъ вещей обглоданный скелетъ,
И въ небѣ, отъ закатной славы аломъ,
Горить иной, потусторонній свѣтъ.

О, какъ пронзительно терзаетъ память,
Какъ въѣдливы свершенные грѣхи.
Зачѣмъ рифмую строки? Между нами
Жить не должны ни рифмы, ни стихи.

А мысль все возвращается упрямо,
Пытается опредѣлить теперь,
Какая будетъ выкопана яма,
Чтобъ въ ней отпраздновать мнѣ смерть.

Подвѣжутъ бѣлымъ платомъ челюсть
И руки на груди скрестятъ,
Навѣкъ закроютъ мертвый взглядъ, —
О, дней быстротекущихъ прелесть. .

Пусть землю заступомъ и ломомъ
Тревожатъ люди для меня. . .
Черезъ сколько лѣтъ предстану я
Такимъ тяжелымъ черноземомъ?

Прикидываешь тѣсную колоду, —
По росту ль будетъ мнѣ въ землѣ лежать.
А если я предамъ мою свободу,
Въ комокъ одинъ сумѣю душу сжать?

И такъ на вѣкъ срастусь съ досками гроба,
И гробъ такъ въ нѣдрахъ темныхъ пропадетъ.
Что ни надежда, ни любовь, ни злоба
Меня отъ нихъ уже не оторветъ.

Доподлинно я расцвѣту бурьяномъ,
Навѣкъ корнями въ глубину вросту.
И о моемъ безумствѣ окаянномъ
И ангелъ не помолится кресту.

Взявъ за руку и прочь повелъ меня.
... И городъ спитъ, и въ окнахъ нѣтъ огня.

А ты ведешь, невѣдомый Вожжатый,
Летучій, огневидный и крылатый...

И въ часъ, когда затеплится заря
Найдемъ въ густомъ бурьянѣ пустыря

Средь городскихъ заброшенныхъ окраинъ
Такое мѣсто святости и тайнъ,

Что будемъ мы, колѣна преклонивъ,
Отъ высей ждать торжественный приливъ,

И воздухъ вѣчности огнемъ обниметь...
На мѣстѣ этомъ каждый обувь сниметь.

И ринется на встрѣчу къ намъ звезда,
Въ бурьянахъ сердца канеть навсегда.

Земля челѡвѣка не хочетъ,
Заботы его и трудовъ.
Водой его стѣны подточить,
Развѣть ихъ силой вѣтровъ.

И будутъ дубравы и рощи
Въ безлюдьи своемъ зелены.
И стебель подыметъ тощій
Въ расщелинахъ старой стѣны.

Но люди землѣ моей милы,
Когда, завершивши свой трудъ,
Къ разверстому зѣву могилы
Усталое тѣло несутъ.

Вотъ въ черной лежи колыбели, —
Ахъ, баюшки баю баю,
Чтобъ больше вѣтра не гудѣли,
Закаты бѣ огнемъ не горѣли,
Не вѣяли бѣ снѣгомъ мятели,
Не мучали бѣ тихость твою

Не все ль равно? Сначала заболѣю,
И близкихъ не узнаю. Будетъ жарь.
Иль смертью уподоблюсь я злодѣю,
Иль духъ уснетъ, отъ дней усталъ и старь.

Не все ль равно? Черезъ мѣсяцъ иль сегодня,
Вотъ въ эту самую глухую ночь,
Дотянется до глазъ рука Господня
И отберетъ весь свѣтъ отъ взора прочь.

Я не услышу, если будутъ плакать,
Ничьихъ молитвъ не буду больше знать.
Средь вѣчнаго и благодного мрака
Какъ каменная лягу на кровать.

Забудутъ. Нѣтъ людей незамѣнимыхъ
И разрушаются всѣ склепы и гроба.
О, только бѣ слышать: съ пѣсней серафимовъ
Сливается Архангела труба.

О, только бѣ видѣть отблескъ вѣчной Славы,
Въ Тебѣ исчезнуть, тріедичный Свѣтъ. . .
Не спи, душа. Какъ эти дни лукавы.
Сегодня срокъ иль черезъ десять лѣтъ. . .

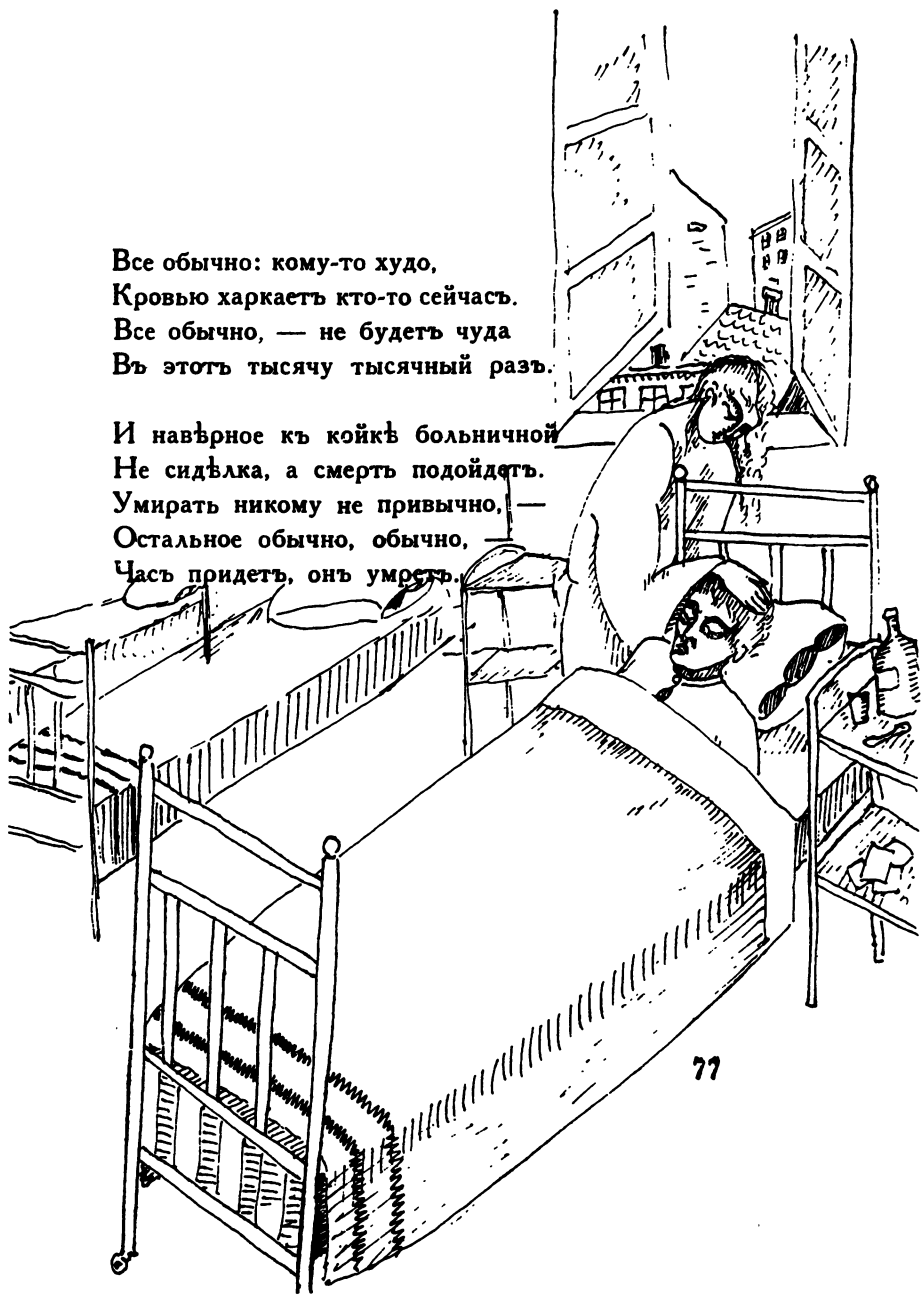
Ни сахаромъ, ни калачами,
И ни моей копѣйкой мѣдной,
Ни пламенемъ и ни рѣчами,
Ни жизнью праведной и бѣдной, —
Ничѣмъ, ничѣмъ нельзя помочь
Тамъ, гдѣ побѣдна ночь.

И кто пошлетъ на землю рати?
И кто склонится къ этимъ зовамъ?
Ты, только Ты, живому Матерь,
Воздвигнешь длань съ Твоимъ Покровомъ.
И кто пойметъ, заплачетъ онъ.
И кто заплачетъ, тотъ спасень.

Все обычно: кому-то худо,
Кровью харкает кто-то сейчас.
Все обычно, — не будет чуда
Въ этотъ тысячу тысячный разъ.

И навѣрное къ койкѣ больничной
Не сидѣлка, а смерть подойдетъ.
Умирать никому не привычно, —
Остальное обычно, обычно,
Чась придетъ, онъ умретъ.

Послѣднее солнце и день нашъ послѣдній
Изъ тысячи тысячныхъ дней и часовъ.
Лишь нѣсколько вѣрныхъ пойметъ за обѣдней,
Что свился, какъ свитокъ, небесный покровъ.
Трава полевая и звѣри въ лѣсахъ,
И люди, — все въ прахъ.

Волною послѣдней огнистая лава
Голодный, стенающій міръ Твой зальетъ.
О, мука какая. А сердце поетъ:
Тебѣ, показавшему солнце намъ, слава.
Пусть разрывается сердце въ груди.
Вотъ ангелы, трубы, огонь впереди.
Ей, Боже, гряди.

Уже и солнца шаръ не раскаленъ,
И завершать послѣдній кругъ планеты.
Кончаются всѣ времена временъ
И тихо гаснутъ міровые свѣты.
Я облачаю тѣло въ смертный ленъ,
Даю Тебѣ послѣдніе обѣты.

О, падайте, тяжелые болты
Воротъ чугуновыхъ въ безконечность Божью.
Конецъ трудовъ, заботъ и суеты
Встрѣчаю я съ непобѣдимой дрожью...
А все еще въ лугахъ цвѣтутъ цвѣты
И вѣтеръ движетъ золотою рожью...

А все еще пронзаетъ дѣтскій плачъ
И кто-то любить, кто-то деньги копить...
Но бѣлый конь уже несется вскачь, —
Нездѣшняя рука его торопитъ...
Убившій время, чудотворный Врачъ,
Весь кубокъ допить...

Какъ хорошо, что есть глухая ночь,
Какъ хорошо, что есть глубокий сонъ,
Какъ хорошо, что есть слѣпая смерть,
Утихъ звѣриный вой среди пещеръ,
Въ домахъ покой, въ больницахъ смолкнулъ стонъ,
И злая жизнь отходить смирно прочь.

Даруется живому тишина,
Ушамъ, — не слышать, нѣмота, — устамъ,
И сердцу, — сонъ, и пальцамъ крестный знакъ.
Не тяжекъ намъ, не тяжекъ вѣчный мракъ.
Какъ радостно кончаемъ счетъ годамъ.
Прими насъ, вѣчность, пой намъ, тишина...

Распахиваютъ полосу. Курится паръ.
Нечерноземная бѣлесовата почва.
Весна Весенній воздухъ яръ,
И облаковъ несутся клочья.

Убогая душа, на что тебѣ теперь
Крылатость и просторъ бездонный, поднебесный?
Смотри: вотъ вырылъ нору звѣрь
Средь нѣдръ земли сырой и тѣсной.

И знай, — среди какихъ-нибудь спокойныхъ мѣстъ,
Гдѣ корни травъ сухихъ вросли глубоко въ глину,
Навѣки обозначить крестъ
Твою родную домовину.

Знаю я, что будетъ тишина,
Этой ночью подойдетъ, быть можетъ,
И ни горе больше, ни вина,
Ничего мой духъ не потревожить.

Какъ собака, лягу я у ногъ,
У хозяйскихъ ногъ, средь сѣрой персти.
И Хозяинъ скажетъ: мой щенокъ,
Мой щенокъ съ взлохмаченою шерстью.

Буду видѣть, какъ къ Нему идутъ
Мудрые, подвижники, святые,
Чтобъ отдать Ему любовь и трудъ,
Чтобы далъ Онъ имъ вѣнцы литые.

Буду я внимательно смотрѣть,
Какъ благословляетъ ихъ Хозяинъ.
Хорошо мнѣ тихо умереть
По собачьи, средь земныхъ окраинъ.

Господи, вотъ глупый Твой щенокъ
Неумѣло Твои ноги лижетъ.
Дай мнѣ вѣчность пролежать у ногъ, —
Только бъ потеплѣе и поближе.

Господи, на этой вотъ постели, —
(Не другую жъ, въ самомъ дѣлѣ, ждать), —
Пролежу предсмертныя недѣли,
Медленно я буду умирать.

Медленно провалятся всѣ звуки,
Выцвѣтутъ всѣ краски. И покой
Сложитъ костенѣющія руки
Ледящей, мертвою рукой.

Разольется тихо въ этомъ тѣлѣ
Холодъ отъ макушки и до ногъ.
И тугимъ узломъ подвяжетъ челюсть
Новый, бѣлый, холщевой платокъ.

А душа, рожденный вновь младенецъ,
Будетъ вихриться тамъ на лугахъ,
Воплями покроетъ птичье пѣнье,
Ангельскую пѣсню въ небесахъ.

Господи, Твою ручную птицу
Ты изъ рукъ пшеницей покорми,
Чтобъ она забыла про пшеницу
Въ хаосъ оставленной земли.

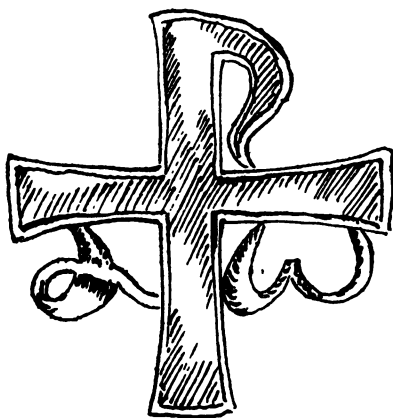
Вотъ ты въ размѣренный планетный кругъ
Влетѣла. Огненной дугою
Въ зенитъ метнулась. Запылала вдругъ,
Пчелиному подобна рою.

Въ восторгѣ сыпала снопы лучей,
Сжигала неба твердь пожаромъ,
Средь осіянныхъ и живыхъ ночей
Катилась огнекрылымъ шаромъ.

Смотрѣла я, любуясь и любя,
На весь твой пиръ огня и свѣта,
Пока Великій не умчалъ тебя
За грань міровъ, моя комета.

И я вперяю взоръ въ ночную твердь,
Чтобъ онъ увидѣлъ, окаянный,
Какъ въ чернотѣ сплелось слово: смерть
Съ крылатымъ именемъ Гаяны.

7. VIII. 1936.

Не слѣпи меня, Боже, свѣтомъ,
Не терзай меня, Боже, страданьемъ.
Прикоснулась я этимъ лѣтомъ
Къ тайникамъ Твоего мірозданья.
Средь зеленыхъ, дождливыхъ мѣствъ
Вдругъ съ небесъ уронилъ Ты крестъ.

Принимаю Твоею же силой,
И кричу черезъ силу: Осанна.
Есть безкrestная въ мірѣ могила,
Надъ могилою надпись: Гаяна.
Подъ землей моя милая дочь,
Надъ землей осіянная ночь.

Тяжелы Твои свѣтлыя длани,
Твою правду съ трудомъ принимаю.
Крылья дай отошедшей Гаянѣ
Чтобъ летѣть ей къ небесному раю.
Мнѣ же дай мое сердце смирать,
Чтобъ Тебя и весь міръ Твой принять.

Сила мнѣ дается непосильная.
Не было бѣ ея, давно упала бы,
Тѣло я на камняхъ распластала бы,
Плакала бѣ, чтобъ Ты услышалъ жалобы,
Чтобъ слезой прожглась земля могильная.

Отперъ Ты замокъ отъ сердца бѣдами.
Вотъ лежитъ теперь дорога скатертью,
Во всѣ стороны. То быть мнѣ матерью,
То поставилъ надъ церковной папертью.
Чѣмъ еще велишь мнѣ быть, — невѣдомо.

Сердцемъ все заранѣе угадано,
Сердце принимаетъ все заранѣе.
Принужденное, какъ вольное страданіе,
Средь углей кадиланицы пыланіе
Духа человѣческаго, ладана.

Духъ мой. . . Сочтены Тобою дни его.
Ты рѣшилъ, карающій и губящій,
Подарилъ, ведущій насъ и любящій,
Сохраненное Тобою рубище
Отъ многострадальнаго, отъ Іова.

Я струпья черепкомъ скребу.
На гноищѣ сажу, какъ Іовъ.
Въ проказѣ члены всѣ нагіе,
Но это что... Вотъ дочь въ гробу...

Друзья, у насъ съ Предвѣчнымъ счетъ,
Но милосердъ Онъ даже въ гнѣвѣ.
Пусть нѣкогда въ проклятыя Евѣ
Велѣлъ понести Онъ жизнь во чревѣ,
И вотъ теперь Онъ жизнь беретъ.

Я струпья черепкомъ скребу...
Друзья, склоните ниже главы, —
Вотъ приближается Царь Славы,
Чтобъ мукой освятить рабу.

Не укрыться въ міросозерцанье,
Въ этотъ тканый временемъ нарядъ.
Ни къ чему словесное бряцанье, —
Люди тысячелѣтя говорятъ.

Буду только зрячей, только честной, —
(У несчастья таковы права), —
Никакихъ полетовъ въ сводъ небесный
И рассказовъ, какъ растеть трава.

Буду честно ничего не видѣть,
Ни во что не вѣрить и не знать.
И неизживаемой обидѣ
Оправданія не подбирать.

Избрана я. Гостя посѣтила,
Подошла невѣдомой тропой.
Все взяла, — однимъ лишь наградила, —
Этой дикой зрячестью слѣпой.

Было тихо. И вѣтра подули.
Стало тише. Иль отъ глухоты
Я не слышу, какъ въ подземномъ гулѣ
Гибнуть искры мертвой красоты.

Вотъ я вѣхами пустыню мѣчу
И Сорокодневнаго пою.
Если хочешь, выйди мнѣ навстрѣчу
Въ честную безрадостность мою.

Прославь безмыслицу и тлѣнь.
Скажи, что духъ людской, какъ атомъ,
Кружится въ вихрѣ перемѣнь
И въ беззаконіи проклятомъ.

Пылинка въ солнечныхъ лучахъ
Скользнула къ тѣневому краю, —
Такъ исчезаемъ мы въ ночи,
Безмысленно, — я это знаю.

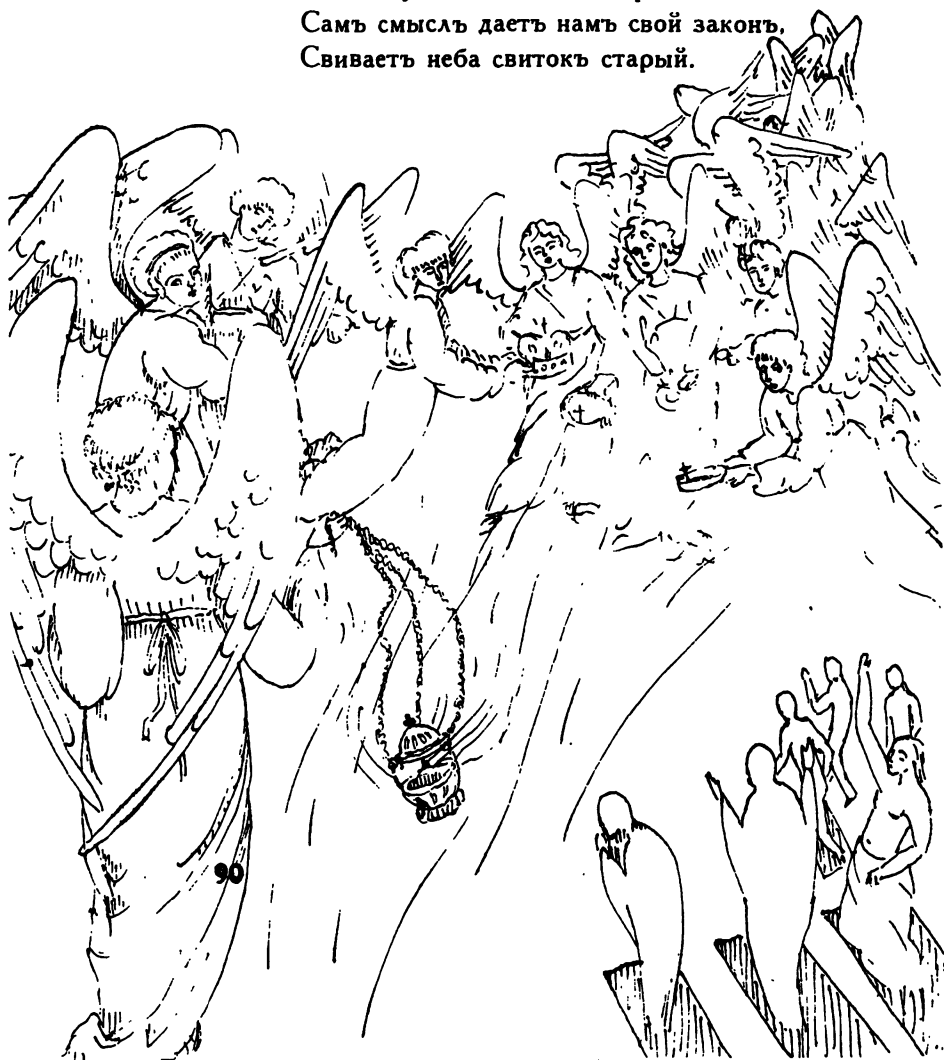
Но въ самой гущѣ пустоты,
Склонившись въ преисподней низко,
Средь неподвижной черноты
Я вижу, — вдругъ сверкнула искра.

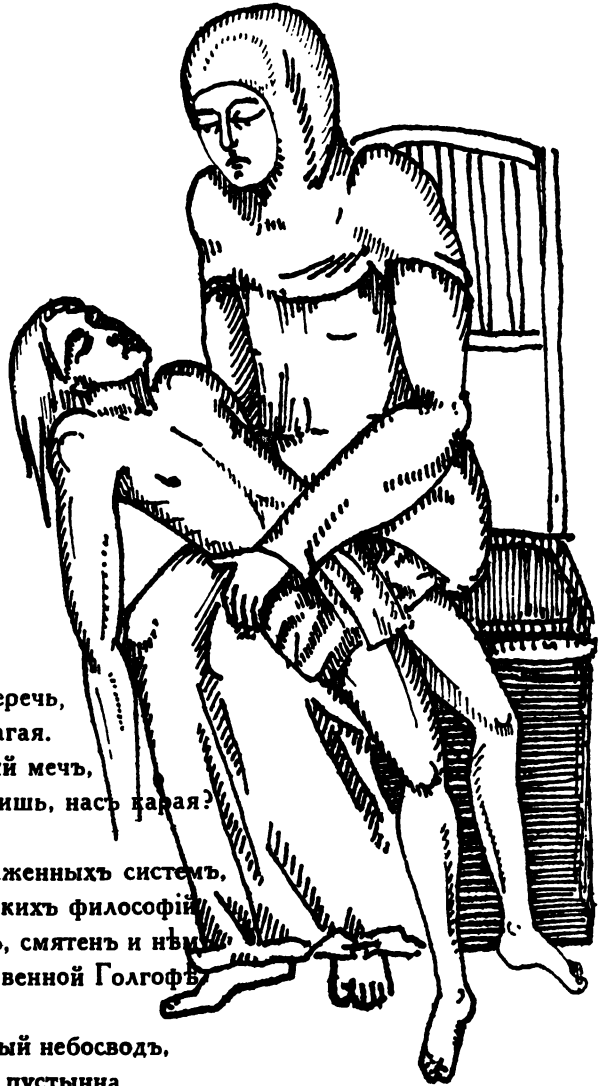
Земля расколота въ куски,
Слабѣть въ судорожномъ трусѣ, —
Сквозь пытку, — пилы и тиски, —
Шепчу я: Господи Исусе.

И вдругъ размахъ широкихъ крыль,
И дымъ камильницы, и свѣчи,
И нарастаетъ плоть средь жилъ,
И вдунуть духъ, и жаждетъ встрѣчи.

Изъ нѣдръ встали мертвецы
И каждый сбрасываетъ савань,
И ангелы несутъ вѣнцы,
Чтобы вѣнчать святыя главы.

И сонмъ святыхъ мужей и женъ
Идетъ тушить земли пожары.
Самъ смыслъ даетъ намъ свой законъ,
Свиваетъ неба свитокъ старый.

Не буду ничего беречь,
Опустошенная, нагая.
Ты, обоюдоострый мечь,
Чего жь ты медлишь, насъ карая?

Безъ всякихъ слаженныхъ системъ,
Безъ всякихъ тонкихъ философій,
Бредеть мой духъ, смятень и нѣмъ,
Къ своей торжественной Голгофѣ

Пустыненъ мертвый небосводъ,
И мертвая земля пустынна.
И вѣчно Матерь отдастъ
На вѣчную Голгофу Сына.

О, горлица моя, лети, лети же.
Среди разлившихся, раздутыхъ рѣкъ
Вода на убыли, и берегъ ближе,
И ударяется о дно ковчегъ.

О, горлица, среди разверстой хляби
Лети, лети, ищи себѣ приютъ.
Не для тебя законы жизни рабьей,
Которыми въ ковчегъ всѣ живутъ.

И ринулась, безшумно полетѣла,
Сверкнула искрой межъ небесъ и водъ.
А мы гребемъ размѣренно, умѣло,
А мы гребемъ, гребемъ мы цѣлый годъ.

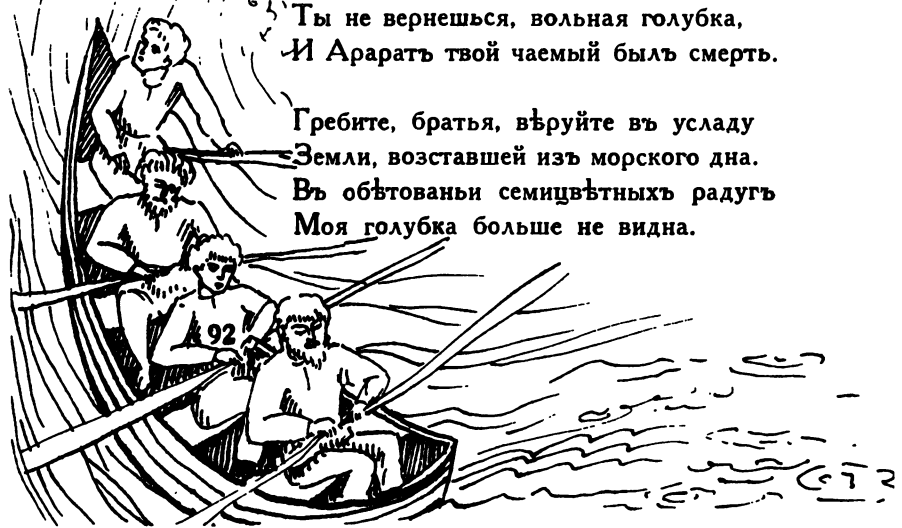
Не рано ли? Вѣтрами рвутся снасти,
Ковчегъ кипучими волнами сжать.
Изъ водной, яростной, разверстой пасти
Еще намъ не извергнуть Араратъ.

Ковчегъ огромный, будто душегубка,
Какъ паутина снасти, мачта, — жердь...
Ты не вернешься, вольная голубка,
И Араратъ твой чаемый былъ смерть.

Гребите, братья, вѣруйте въ усладу
Земли, возставшей изъ морского дна.
Въ обѣтованьи семицвѣтныхъ радугъ
Моя голубка больше не видна.

Нѣтъ, и скала несокрушимой вѣры
Мнѣ больше не пріютъ.
Молчать всѣ поученья и примѣры,
А вотъ вѣтра поютъ.

И вновь я отдаю на испытанье
И догмать, и законъ.
Зоветь пустыня въ вѣчное скитанье,
Пески со всѣхъ сторонъ.

Я отдаю себя волнѣ зыбучей, —
Неясенъ небосводъ.
Свиваются на горизонтѣ тучи,
А вѣтеръ все поетъ.

Кто созидаетъ нашей жизни трепетъ?
Кто смерть намъ къ сроку дастъ?
Покроетъ хрупкость всѣхъ великолѣпій
Песковъ зыбучихъ пласть.

Я заново не знаю и не вѣрю,
Ослѣплена я вновь.
Мучительнымъ сомнѣньемъ только мѣрю
Твой горькій путь, любовь.

Съ осенними листьями вмѣстѣ
Исчезнуть, исчезнуть, не быть.
Растаять, какъ въ воздухѣ птица,
Дымкомъ надъ костромъ заструиться,
И листья, и вѣтеръ, — все вѣсти,
И сладко глаза мнѣ закрыть.

У сердца мильоны ударовъ.
Пора отъ мильоновъ устать.
Всю длинную книгу прочла я,
А дальше лишь даль голубая,
Пыланіе звѣздныхъ пожаровъ,
Крылатая вѣстниковъ рать.

Вотъ неводъ, что прорванъ уловомъ,
Омытый средь множества рѣкъ.
И что принесу отъ улова
Къ порогу быванья иного?
Какимъ сожигающимъ словомъ,
Растопится вѣчности снѣгъ?

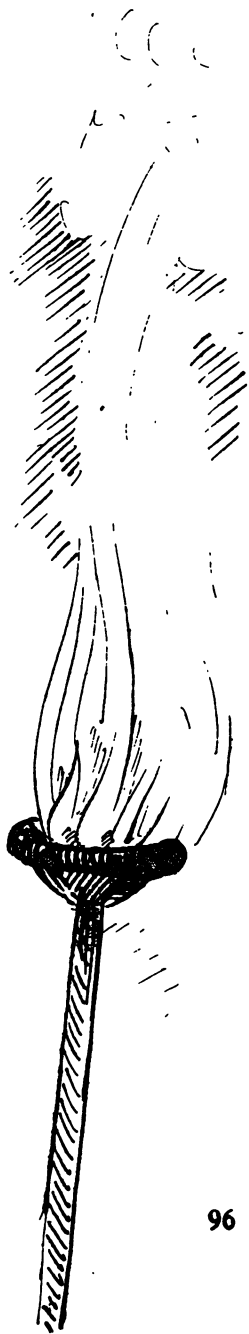
Господь мой, я жизнь принимала.
Любовно и жарко жила.

Любовно я смерть принимаю,
Вотъ налита чаша до краю,
Къ ногамъ Твоимъ чаша упала.
Я жизнь предъ Тобой разлила.

О милости или пощадѣ
Молиться теперь не хочу.

Стучу и стучу въ Твои двери,
Повѣрь моей нищенской вѣрѣ,
Дай крылья къ спинѣ мнѣ приладить,
Безъ страха къ Тебѣ полечу.

Нѣтъ, только грусть и тонкій запахъ тлѣнья
Отъ опыта, отъ жизни, отъ вещей.
Игра отъ поколѣнья въ поколѣнья
И пытка вѣчная мечей, клещей.

Въ осенній день небесный сводъ такъ близокъ
Что, кажется, порогъ переступить, —
И насъ покроетъ Божьей Славы риза,
Чтобъ вѣчнымъ свѣтомъ взоръ нашъ ослѣпить.

Въ осенній день всѣ мертвые межъ нами,
И радуется касанье нѣжныхъ рукъ.
И дни сплетаются съ ночными снами,
И втягиваютъ насъ въ блаженный кругъ.

Торжественный, слѣпительный подарокъ,
Ты даровалъ мнѣ смерть. Въ ней изнемочь.
Душа, сожженная въ огнѣ пожара
Медлительно, на вѣкъ уходитъ въ ночь.

На днѣ ея лишь уголь черно-рыжій,
Ей притаиться надо, помолчать.
Но въ сердцѣ Ты огнемъ предвѣчнымъ выжегъ.
Смертельнаго крещенія печать.

Я вѣсть Твоя. Какъ факель, кинь средь ночи,
Чтобъ всѣ увидѣли, узнали вдругъ,
Чего отъ челоуѣчества Ты хочешь,
Какихъ на жатву высылаешь слугъ.

Каждая мышца свинцомъ налита.
Крылья. . . Но крыльевъ давно уже нѣту.
Пасеть мою душу бичемъ суета,
Неистово гонить крутами по свѣту.

Ничтожная, нищая, ну-ка, пляши,
Одѣнься въ восторги и лги о завѣтахъ,
Сегодня покайся, а завтра грѣши
И повторяй себя въ пѣсняхъ пропѣтыхъ.

Какимъ бы тебя раскаленнымъ клеймомъ
Достойно, позорно на вѣки отмѣтить,
Какимъ бы сковать твою шею ярмомъ,
И истрепать на спинѣ твоей плети.

Пригнись. Иль не слышишь, — вотъ Нѣкто идетъ.
Который не числитъ даровъ и не мѣритъ.
Онъ грѣхъ умерщвляетъ и горе беретъ,
Безкрылыхъ кидаетъ въ надзвѣздный полетъ,
Рождается снова въ пастушьей пещерѣ.

Не надо усилий. Сама Благодать
Окаменѣнное сердце растопить.
Я даже не смѣю его призывать,
Но Самъ Онъ призывами душу торопить.

Подвѣжутъ бѣлымъ платомъ челюсть
И руки на груди скрестятъ,
Навѣкъ закроютъ мертвый взглядъ,
О, дней быстротекущихъ прелесть...

Пусть землю заступомъ и ломомъ
Тревожатъ люди для меня...
Черезъ сколько лѣтъ предстану
Такимъ тяжелымъ черноземомъ.

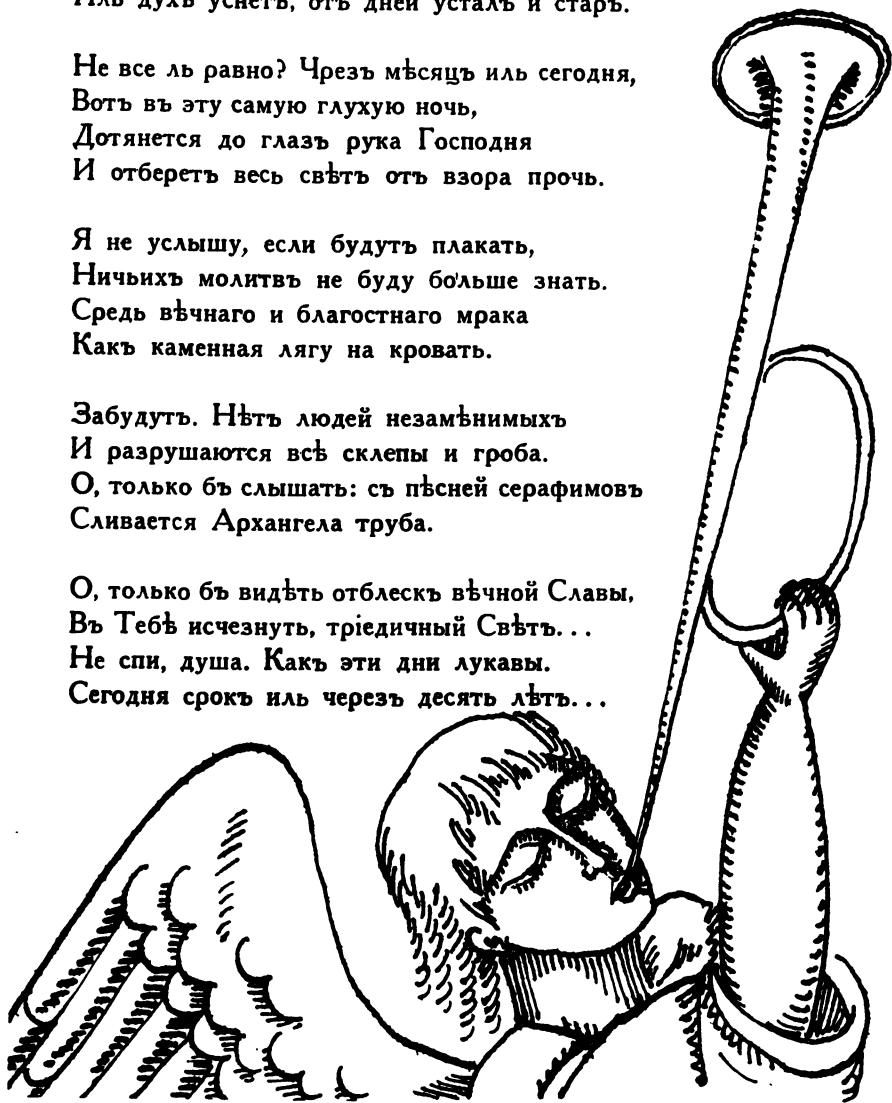
Не все ль равно? Сначала заболѣю,
И близких не узнаю. Будетъ жаръ...
Иль смертью уподоблюсь я злодѣю,
Иль духъ уснетъ, отъ дней усталъ и старъ.

Не все ль равно? Черезъ мѣсяцъ иль сегодня,
Вотъ въ эту самую глухую ночь,
Дотянется до глазъ рука Господня
И отберетъ весь свѣтъ отъ взора прочь.

Я не услышу, если будутъ плакать,
Ничьихъ молитвъ не буду больше знать.
Средь вѣчнаго и благостнаго мрака
Какъ каменная лягу на кровать.

Забудутъ. Нѣтъ людей незамѣнимыхъ
И разрушаются всѣ склепы и гроба.
О, только бѣ слышать: съ пѣсней серафимовъ
Сливается Архангела труба.

О, только бѣ видѣть отблескъ вѣчной Славы.
Въ Тебѣ исчезнуть, тріедичный Свѣтъ...
Не спи, душа. Какъ эти дни лукавы.
Сегодня срокъ иль черезъ десять дѣтъ...

I. О жизни.

Мнѣ кажется, что міръ еще въ лѣсахъ	7
Камни на камни, скала на скалу	8
Господь всѣхъ воинствъ	9
Дома земные, — въ щепы, въ пыль и въ щебень .	10
Тамъ было молоко и медъ	11
Мы не выбрали нашей колыбели	12
Всѣхъ моихъ усталыхъ	13
Какъ капли серебра, бой башенныхъ часовъ . .	14
Была весна, — теперь осенній мѣсяцъ	15
Слишкомъ свѣтлый воздухъ	16
Развинтилъ винты, ослабилъ скрѣпы	17
У каждого имя и отчество	18
И нищъ, и боленъ	19
Подъ ноги имъ душу я кину	20
Повели, какъ на цѣпи собаку	21
Людей колючія слова	22

Подвель ко мнѣ, сказалъ: усынови	23
Братья, братья, разбойники, пьяницы	24
Припасть къ окну въ чужую маету	25
Что ему я за братьевъ отвѣчу	26
И каждую косточку ломить	27
Какъ они живутъ спокойной жизнью	28
Гдѣ, Каинъ, твой братъ, гдѣ твой Авель	29
Что еще я въ пути соберу	30
Что я дѣлаю? — Вотъ безъ оглядки	31
Не иные грѣхи проклинать	32
Трудный путь мы избирали вольно	33
Тамъ, между Тигромъ и Ефратомъ	34
Не засыпаетъ тяжелая кровь	35
Духъ смятенный, знаешь, какъ бываетъ	36
Не то, что міръ во злѣ лежитъ	37
Съ какой теской иной печати рветъ	38
Спокойно, будто опытный анатомъ	39
Возникъ. Не отстаетъ. И сердцу нудно	40
Всѣхъ демоновъ, всѣхъ демоновъ въ подваль	42
Нечего больше тебѣ притворяется	43
Чудомъ Ты отверзъ слѣпой мой взоръ	44
Убери меня съ твоей земли	45
Никогда, ни на какомъ пути	46
Ты остановилъ на берегу потока	48
Наконецъ то. Дверь скорѣй на ключъ	49

Сопряжены во мнѣ два духа	51
Когда-нибудь, я знаю, запою	52
Ты не измѣнишь. . . Быть одной	53
Вдругъ свѣтъ упалъ и видны всѣ ступени	54
Жить въ клопной, нищенской каморкѣ	55
Холодомъ по комнатамъ сквознякъ	56
Не помню я часа Завѣта	57
Довольно, о, довольно, счетоводъ	58
Испепеляющій огонь	59
Название улицъ незнакомыхъ	60
Какіе праздничные дни	61
Съ народомъ моимъ предстану	62
Глуше, и туже, и крѣпче	63
Дверь за спиною распахнулась	64
Кирпичный домъ и небосводъ бѣлесый	65

II. О смерти.

Да, надо будетъ, въ гробовой колодѣ	69
Какъ удочка на землю тянетъ рыбу	70
Подвяжутъ бѣлымъ платомъ челюсть	71
Прикидываешь тѣсную колоду	72
Взявъ за руку и прочь повель меня	73
Земля человѣка не хочетъ	74

Не все ль равно? Сначала заболѣю	75
Ни сахаромъ, ни калачами	76
Все обычно: кому-то худо	77
Послѣднее солнце и день нашъ послѣдній	78
Уже и солнца шаръ не раскаленъ	79
Какъ хорошо, что есть глухая ночь	80
Распахиваютъ полосу. Курится паръ	81
Знаю я, что будетъ тишина	82
Господи, на этой вотъ постели	83
Вотъ ты въ размѣренный планетный кругъ	84
Не слѣпи меня, Боже, свѣтомъ	85
Сила мнѣ дается непосильная	86
Я струпя черепкомъ скребу	87
Не укрыться въ міросозерцанье	88
Прославь безсмыслицу и тлѣнь	89
Изъ нѣдръ встали мертвецы	90
Не буду ничего беречь	91
О, горлица моя, лети, лети же	92
Нѣтъ, и скала несокрушимой вѣры	93
Съ осенними листьями вмѣстѣ	94
Господь мой, я жизнь принимала	95
Нѣтъ, только грусть и тонкій запахъ тлѣнья ..	96
Каждая мышца свинцомъ налита	97
Подвяжутъ бѣлымъ платомъ челюсть	98
Не все ль равно? Сначала заболѣю	99

РЕПРИНТНОЕ ИЗДАНИЕ

**Заказ 918. Тираж 10 000 экз.
Типография АО «Внешторгиздат»
127576, Москва, Илимская ул., 7.**

ПЕТРОПОЛИСЪ

